This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

833
R36

UC-NRLF

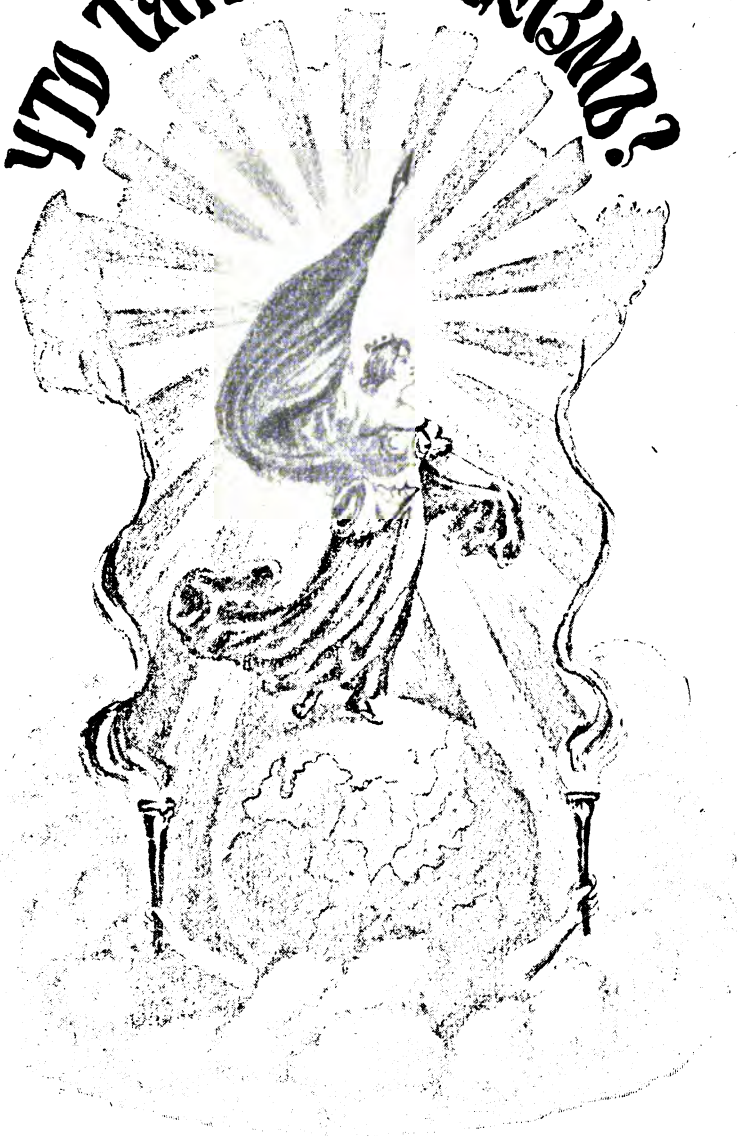
B 3 905 905

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

EX LIBRIS

AN-SKII
Ан—скій.

ЧТО ТАКОЕ ЯПАВИЗМЪ?



ИЗДАНІЕ „ЖИЗНЬ“ ТЕЛЬСТВО

UNIV. OF CALIFORNIA

Ан — скій,

Chto Takoe Anarkhizm?

Что такое анархизмъ?

Со статьей **В. Черткова.**

СПБ. **1907 г.**

Книгоиздательство „Живое Слово“.

MILIUKOV Library

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный пр., 17.
1907.

UNIV. OF
CALIFORNIA
HX833
P36

Что такое анархизмъ?

Въ огромномъ большинствѣ русскаго общества относительно анархизма существуютъ самыя превратныя понятія. Вслѣдствіе отсутствія свободы слова, оцѣнку анархизма можно встрѣтить лишь въ газетахъ, враждебно настроенныхъ къ этому ученію, и какъ само ученіе, такъ и его послѣдователи являются грубо оклеветанными.

Анархизмъ для большинства русскихъ читателей представляется какимъ-то разбойничьимъ ученіемъ, а сами анархисты людьми безъ всякой нравственной основы, стремящимися къ разрушенію, или ради одного разрушенія, или для удовлетворенія своекорыстныхъ побужденій.

Даже въ Западной Европѣ къ анархизму все еще относятся далеко не безпристрастно, не стѣсняясь приписывать его послѣдователямъ такія мнѣнія, какихъ они не имѣютъ, представляя ихъ невѣжественными фанатиками, стремящимися вернуть человѣчество къ первобытному состоянію, лишивъ его всѣхъ дорогихъ завоеваній тысячелѣтней культуры.

Къ счастью среди западно-европейскихъ ученыхъ, интересующихся анархизмомъ, начинаютъ появляться люди вполнѣ добросовѣстные, которые разсматриваютъ анархизмъ со строго научной точки зрѣнія, изслѣдуя его, какъ одно изъ проявленій человѣческаго мышленія, не стараясь ни превознести его, ни унизить. Къ такимъ ученымъ принадлежитъ берлинскій изслѣдователь анархизма Эльцбахеръ, который съ чисто нѣмецкой тщательностью изслѣдовалъ ученія семи наиболѣе выдающихся представителей анархизма: Годвина

M304505

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ

Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Токера и Толстого. Этою въ высшей степени безпристрастной работою мы и будемъ главнымъ образомъ пользоваться при дальнѣйшемъ изложеніи [1]).

I.

Вильямъ Годвинъ.

Однимъ изъ первыхъ по времени представителей анархизма Эльцбахеръ считаетъ англичанина Вильяма Годвина.

Вильямъ Годвинъ родился въ 1756 году. Получивъ богословское образованіе, онъ былъ потомъ проповѣдникомъ въ кальвинистской общинѣ, но, чувствуя невозможность примиренія церковныхъ догматовъ съ требованіями разума, онъ сложилъ съ себя духовное званіе и посвятилъ свои силы главнымъ образомъ литературѣ.

Высшимъ закономъ, руководящимъ дѣятельностью человѣка, по мнѣнію Годвина, должно быть всеобщее благо, которое заключается въ обладаніи умомъ, дѣятельной добротой и свободой. Истинный мудрецъ не знаетъ ни эгоизма, ни честолюбія, ни зависти. Основное стремленіе человѣка есть желаніе содѣйствовать благу всѣхъ разумныхъ существъ.

Въ своемъ стремленіи къ всеобщему благу, говоритъ Годвинъ, человѣкъ долженъ руководиться своимъ разумомъ. Такъ называемое право, законы, издаваемые людьми, очень часто являются выраженіемъ ихъ низменныхъ страстей: зависти, трусости, властолюбія, противорѣчащихъ требованіямъ справедливости, и потому разумъ человѣка долженъ быть выше всякихъ постановленій права. Разъ мы въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуемся требованіями справедливости, т. е. всеобщаго блага, то никакіе законы уже не могутъ

[1]) P. Eltzbacher, „Der Anarchismus“. Berlin, Guttentag. 1900.

имѣть надъ нами власти. Чѣмъ меньше люди будутъ руководствоваться въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ обычаемъ, привычкой, писанными законами, тѣмъ больше будетъ власть разума и справедливости.

Отвергая самыя основы законовъ, Годвинъ отвергаетъ и государство, считая его учрежденіемъ, особенно противорѣчащимъ всеобщему благу и справедливости.

Одни считаютъ основой государства насиліе,—другіе божественное право, третьи—договоръ. Если держаться перваго взгляда, то безнравственность государственнаго принципа очевидна. Второй взглядъ или оправдываетъ всякую государственную власть, даже основанную на насиліи, и въ такомъ случаѣ противорѣчитъ требованіямъ нравственности или же предполагаетъ, что людямъ извѣстны признаки, по которымъ можно отличить власть, исходящую отъ Бога, отъ всякой другой; при отсутствіи же такихъ признаковъ этотъ взглядъ не имѣетъ никакой цѣнности. Третій взглядъ предполагаетъ, что одинъ человѣкъ по договору можетъ передать другому завѣдываніе своей совѣстью и обсужденіе своихъ обязанностей. Но мы не можемъ отказаться отъ своей нравственной самостоятельности; она представляетъ собственность, которую мы не можемъ ни продать, ни подарить; поэтому никакое правительство не можетъ основывать свою власть на какомъ-либо первоначальномъ договорѣ.

Но не слѣдуетъ смѣшивать государство съ обществомъ. Происхожденіе ихъ совершенно различное. Общество создается нашими потребностями общенія и взаимопомощи, государство создается нашей порочностью. Общество всегда есть благословеніе, государство въ лучшемъ случаѣ есть необходимое зло. Государства отжили свое время, и въ недалекомъ будущемъ люди будутъ соединяться для удобства жизни въ небольшія общины, независимыя другъ отъ друга.

Что будетъ соединять людей въ этихъ свободныхъ общи-

нахъ? Разумѣется не договоръ. Человѣкъ не можетъ быть связанъ никакимъ обѣщаніемъ, такъ какъ то, что онъ обѣщалъ, или есть добро, и, въ такомъ случаѣ, онъ долженъ дѣлать его и помимо обѣщаній, или же оно есть зло, и тогда никакое обѣщаніе не можетъ обязать человѣка дѣлать его. Человѣкъ долженъ руководствоваться истинной цѣнностью вещей, а не внѣшними обязательствами. Связующимъ, началомъ будущаго общества явится обсужденіе вопросовъ касающихся всеобщаго блага. Общинное обсужденіе этихъ вопросовъ должно повліять благотворно на характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка; и то, что каждый отдѣльный человѣкъ, какого бы онъ ни былъ высокаго мнѣнія о себѣ, долженъ подчиняться рѣшенію общества, будетъ служить постояннымъ подтвержденіемъ того великаго принципа, что каждый долженъ жертвовать своей выгодой въ пользу всеобщаго блага. Раздоры и несогласія, которыя могли бы возникать между отдѣльными лицами, улаживались бы судомъ присяжныхъ, руководимыхъ разумомъ, а не закономъ, недоразумѣнія же между общинами разбирались бы особыми представителями отъ цѣлаго ряда общинъ, собиравшимися на народныя собранія для выясненія текущихъ требованій справедливости и всеобщаго блага. И не надо бы было содержать ни дипломатовъ, ни армій, ни флотовъ, ни шпіоновъ.

Годвинъ предполагаетъ, что при дальнѣйшемъ развитіи человѣчества окажутся лишними и суды присяжныхъ, и народныя собранія.

Отрицая право, отрицая государство, Годвинъ отрицаетъ и собственность, которую считаетъ учрежденіемъ, наиболѣе противорѣчащимъ всеобщему благу.

Богатство, т. е. обладаніе собственностью, распредѣляется крайне неравномѣрно и произвольно. Часто самому работящему и полезному члену общества бываетъ трудно избавить свою семью отъ голода. Другой, наоборотъ, получаетъ

такое вознагражденіе, что могъ бы пріобрѣсти на него въ сто разъ больше пищи и одежды, чѣмъ ему нужно. Гдѣ же здѣсь справедливость? Если бы я даже былъ величайшимъ благодѣтелемъ человѣчества, развѣ это причина, давать мнѣ то, въ чемъ я вовсе не нуждаюсь, когда при томъ же то, что для меня избытокъ, — могло бы быть въ высшей степени полезнымъ для тысячи людей. При господствѣ современнаго взгляда на собственность, одни люди тратятъ всѣ свои силы на добываніе себѣ необходимаго пропитанія и лишены возможности какой-либо заботы о всеобщемъ благѣ; другіе же, утопая въ роскоши, не находятъ ни малѣйшаго повода къ труду. При такомъ состояніи общества, въ бѣдныхъ невольно должны развиваться чувства приниженности, зависти и злобы, а въ богатыхъ — честолюбіе и тщеславіе.

Всякій членъ общества имѣетъ право на пищу, одежду, жилище и на тѣ жизненныя удобства, которыя соотвѣтствуютъ производительности труда въ данномъ обществѣ. Несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ работалъ до потери здоровья и жизни, въ то время какъ другой утопаетъ въ роскоши. Несправедливо, чтобы у одного человѣка не было свободнаго времени заняться своимъ умственнымъ развитіемъ, въ то время какъ другой и пальцемъ не пошевелитъ для всеобщаго блага.

Но какимъ же способомъ анархистъ Годвинъ думаетъ осуществить свой планъ? Какъ предполагаетъ онъ разрушить существующіе законы, государство, собственность,—то есть все то, безъ чего многимъ среднимъ людямъ жизнь кажется невозможной? Въ чемъ заключается разрушительное орудіе Годвина? На чемъ основываются его надежды на успѣхъ разрушенія?

Надежды Годвина основываются на вѣрѣ въ благородство человѣка. Онъ вѣритъ, что человѣкъ по природѣ своей есть существо, склонное къ справедливости, добродѣтели и

благожелательству, и потому, отвергая всякія насильственныя мѣры, онъ утверждаетъ, что для желаннаго измѣненія существующаго строя необходимо, чтобы люди, узнавшіе истину, убѣдили въ ней остальныхъ членовъ общества, доказавъ имъ необходимость и полезность перемѣны; тогда сами собой уничтожатся право, государство и собственность, и возникнетъ новый общественный строй.

На всякое насиліе, говоритъ Годвинъ, мы должны бы смотрѣть съ непріязнью. Выходя на арену насильственной борьбы, мы покидаемъ прочную почву истины и представляемъ рѣшеніе вопроса произволу случая. Войско разума неуязвимо; оно подвигается спокойнымъ, твердымъ шагомъ, и ничто не въ силахъ противостоять ему. Но разъ мы оставляемъ доказательства и беремся за мечи, то дѣло обстоитъ иначе. Кто можетъ среди шума и смятенія междоусобной войны предсказать, будетъ ли успѣхъ на его сторонѣ или на сторонѣ противниковъ? Итакъ, слѣдуетъ дѣлаетъ строгое различіе между просвѣщеніемъ народа и возмущеніемъ его. Мы не должны возбуждать гнѣвъ, ненависть и страсти, а должны желать лишь здраваго, яснаго и безбоязненнаго обсужденія вопроса. Надо по возможности убѣдить все общество въ необходимости измѣненія общественнаго строя; только такимъ образомъ можно избѣжать насильственнаго переворота.

Разъ произойдетъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи, то право, государство и собственность уничтожатся сами собой, и возникнетъ новый общественный строй. Люди сознаютъ свое положеніе, и сковывающія ихъ цѣпи исчезнутъ, какъ утренній туманъ отъ лучей восходящаго солнца.

Изъ приведенныхъ нами вкратцѣ воззрѣній Годвина, читатель можетъ видѣть, какъ далекъ этотъ мирный и возвышенный идеалистъ отъ тѣхъ низменныхъ побужденій, которыя приписываются обыкновенно анархистамъ ихъ современными клеветниками. Удивительнаго въ этомъ конечно

нѣтъ ничего. Дѣло въ томъ, что анархисты отрицаютъ все ветхое зданіе существующаго строя и откровенно обнаруживаютъ его ложь и несправедливость. Тѣ же люди, которымъ существующій строй выгоденъ, или которые по своей слѣпотѣ вѣрятъ въ его святость, должны придумать какое-либо объясненіе, которое оправдывало бы существующій строй и его приверженцевъ. И вотъ одни безсознательно, а другіе сознательно стараются объяснить враждебное отношеніе анархистовъ къ существующимъ порядкамъ не тѣмъ, что порядки эти плохи, а тѣмъ, что плохи анархисты. И чѣмъ болѣе привержены эти люди къ существующему строю, тѣмъ большія клеветы они готовы сочинить на анархистовъ. Нѣчто подобное происходило въ первые вѣка христіанства, когда даже лучшіе люди язычества, вѣровавшіе въ величіе существующаго государственнаго строя, видя, что христіане относятся къ этому строю отрицательно, готовы были вѣрить и вѣрили въ самыя гнусныя клеветы, которыя распускались противъ христіанъ. Не слѣдуетъ забывать уроковъ исторіи и необходимо относиться съ большой осторожностью къ тѣмъ сказкамъ, которыя распускаются про анархистовъ.

II.

Прудонъ.

Съ представленіемъ о Прудонѣ у большинства русскаго полуобразованнаго общества неразрывно связано представленіе о человѣкѣ, произносящемъ знаменитую фразу: „собственность есть кража“. Невѣжественные поверхностные люди, выхватившіе эту фразу изъ весьма обстоятельнаго разсужденія Прудона о собственности, принялись играть ею, какъ клоунъ въ циркѣ, выворачивая ее на изнанку, утверждая, что согласно Прудону и всякая кража есть собственность, и что Прудонъ проповѣдуетъ воровство. Люди очень

часто готовы клеймить и называть безнравственнымъ то ученіе, которое обнаруживаетъ ихъ умственное или нравственное убожество. Это пришлось испытать Прудону на самомъ себѣ.

Однажды во французской палатѣ депутатовъ извѣстный политическій дѣятель Тьеръ, отвергая какое-то предложеніе Прудона, касавшееся государственныхъ финансовъ, сдѣлалъ намекъ на то, что подобныя предложенія могутъ исходить лишь отъ людей нравственно испорченныхъ. Тогда, какъ передаетъ Герценъ, поднялся Прудонъ и съ своимъ грознымъ и сутуловатымъ видомъ коренастаго жителя полей, сказалъ улыбающемуся старикашкѣ: „Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я могу принять это за личность, я вамъ уже сказалъ это въ комитетѣ. Если же вы будете продолжать, я—я не вызову васъ на дуэль (Тьеръ улыбнулся). Нѣтъ, мнѣ мало вашей смерти, этимъ ничего не докажешь. Я предложу вамъ другой бой. Здѣсь, съ этой трибуны, я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь забуду или пропущу. И потомъ пусть разскажетъ свою жизнь мой противникъ!“ Глаза всѣхъ обратились на Тьера: онъ сидѣлъ нахмуренный, и улыбки совсѣмъ не было, да и отвѣта тоже.

Враги Прудона молчали, гордые защитники нравственности не знали, что сказать.

Какъ бы ни отнеслись къ этому факту, несомнѣнно одно, что сдѣлать своимъ врагамъ подобный вызовъ могъ только человѣкъ такой нравственной чистоты, которому не было стыдно раскрыть свое прошлое передъ всѣмъ міромъ.

Прудонъ родился 15 января 1809 года въ Безансонѣ. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, работавшій всю жизнь, но желавшій дать сыну образованіе. Крайняя бѣдность не позволяла получить Прудону всѣхъ свѣдѣній, какія даетъ гимназія, такъ какъ, не окончивъ курса, онъ долженъ былъ

собственнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе, служа то наборщикомъ, то корректоромъ въ различныхъ типографіяхъ.

Знаменитый освободитель Италіи Гарибальди говорилъ, что онъ никогда не бралъ уроковъ фехтованія, какъ то дѣлали его знатные соотечественники, но научился владѣть саблей, когда ему пришлось защищать свою голову отъ непріятельскихъ ударовъ. Точно также и Прудонъ получилъ свое образованіе не изъ устъ школьныхъ наставниковъ, а около типографской кассы, поневолѣ перечитывая всѣ книги, которыя приходилось набирать или корректировать. Такъ, держа корректуру перевода Библіи, онъ научился еврейскому языку. Набирая богословскія сочиненія, онъ получилъ разностороннія свѣдѣнія и въ этой области.

Блестящія способности Прудона, выказанныя имъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, обратили на талантливаго самоучку вниманіе безансонской академіи, и она въ 1838 году назначила ему стипендію, чтобы дать возможность усовершенствоваться въ наукахъ. Въ слѣдующемъ году та же академія присудила Прудону медаль за сочиненіе на тему: „О пользѣ празднованія воскресенья“. Въ этомъ сочиненіи уже чувствовались тѣ идеи, которыя впослѣдствіи обезсмертили имя Прудона, но академія не замѣчала надвигавшейся грозы. Въ 1840 году появилось знаменитое сочиненіе Прудона: „Что такое собственность“, отъ котораго академія пришла въ смущеніе, какъ курица, высидѣвшая утенка. Съ этихъ поръ между Прудономъ и хранителями общественныхъ устоевъ образовалась пропасть, расширявшаяся съ каждымъ годомъ. Въ 1846 году вышло въ свѣтъ не менѣе знаменитое сочиненіе „Система экономическихъ противорѣчій, или философія нищеты“. Книга имѣла огромный успѣхъ, и противъ Прудона ополчились уже не заурядные и малообразованные сограждане, но люди науки и политическіе дѣятели. Карлъ Марскъ назвалъ эту работу Прудона „нищетой философіи“.

Чтобы дать своимъ воззрѣніямъ болѣе широкое распространеніе, Прудонъ сталъ издавать газету „Представитель народа“. Французское правительство ее погубило. Онъ сталъ издавать новую газету „Народъ“, съ ней случилось то же самое. Солдаты ворвались въ типографію, сломали станки и разбросали шрифтъ. Упрямый крестьянскій сынъ тотчасъ же послѣ этого разгрома затѣялъ изданіе новой газеты—„Голосъ народа“. У него не было денегъ. На помощь явился знаменитый русскій писатель Герценъ и они вдвоемъ стали вести газету. Газета просуществовала недолго. Систематическія преслѣдованія правительства погубили ее. Прудонъ сидѣлъ безвыходно въ тюрьмѣ вплоть до 1852 года. Герценъ былъ высланъ изъ Франціи. Литературная дѣятельность Прудона мало-по-малу утратила политическій характеръ, и его дальнѣйшія работы были большею частью строго научнаго направленія.

Что же было въ сочиненіяхъ этого упорнаго самоучки, что возстановляло противъ него людей самыхъ различныхъ воззрѣній и партій и заставляло относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ лишь немногихъ избранныхъ?

Прудонъ былъ самоучка. Никакая научная система не сжимала колодками его мозгъ. Ко всякому вопросу онъ подходилъ безъ предвзятаго благоговѣнія, подходилъ поступью свободнаго человѣка и начиналъ ломать все, что мѣшало ясному пониманію, срывать все, что скрывало истину отъ взора изслѣдователя. Онъ, какъ Сократъ, не останавливался ни передъ какими авторитетами и съ помощью своего могучаго ума разрушалъ всѣ человѣческіе идолы и предразсудки, какими бы священными они ни казались людямъ.

Законы, государство, собственность — все это кумиры, передъ которыми преклоняются люди, и вотъ главнымъ образомъ противъ этихъ то кумировъ и направлялъ Прудонъ свои мѣткіе удары.

Прудонъ самъ называлъ себя анархистомъ

— Какой формѣ правленія слѣдуетъ отдать предпочтеніе?—ставитъ онъ вопросъ.

— Какъ можете вы спрашивать объ этомъ, отвѣчаетъ читатель; вѣдь вы республиканецъ.

— Конечно республиканецъ, но это слово слишкомъ неопредѣленно. Res publica значитъ дѣло общества: итакъ всякій, кто при какой бы то ни было формѣ правленія желаетъ дѣлать общественное дѣло, можетъ называть себя республиканцемъ. И короли также республиканцы.

— Такъ вы значитъ демократъ?

— Нѣтъ.

— Какъ, неужели же вы монархистъ?

— Нѣтъ.

— Либералъ?

— Упаси меня Богъ.

— Такъ значитъ вы аристократъ?

— Никоимъ образомъ.

— Вы желаете смѣшанной формы правленія?

— Еще того менѣе.

— Такъ кто же вы такой—наконецъ?

— Я анархистъ.

Основой своего ученія Прудонъ считаетъ справедливость. Отношеніе между людьми должны быть построены на справедливости.

„Я долженъ относиться къ своему ближнему, говоритъ Прудонъ, съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ самому себѣ, и, насколько возможно, содѣйствовать тому, чтобы и другіе относились къ нему точно такъ-же; этого требуетъ отъ меня совѣсть.

Ради чего я долженъ уважать ближняго? Ради его силы, его способностей, его богатства? Нѣтъ, это все внѣшности, которыхъ я не долженъ уважать въ человѣкѣ. Такъ можетъ быть, ради того уваженія, которое онъ съ своей стороны оказываетъ мнѣ? Нѣтъ, справедливость выше и этого

основанія. Она требуетъ уваженія человѣческаго достоинства даже по отношенію къ врагу... Я уважаю въ ближнемъ не то, чѣмъ одарила его природа, или чѣмъ украсило его счастье, не вола его, не осла его, не рабыню его, какъ десять заповѣдей; также и не то добро, которымъ, какъ я ожидаю, онъ отплатитъ мнѣ; я уважаю въ немъ просто человѣка".

Почему человѣкъ долженъ подчиняться требованіямъ своей совѣсти? Почему онъ долженъ быть справедливымъ? Этихъ вопросовъ Прудонъ не касается. Онъ избѣгалъ отрываться отъ земли. Основнымъ началомъ справедливости онъ считаетъ чувство личнаго достоинства, которое человѣкъ сознаетъ не только въ себѣ, но и въ другихъ людяхъ. Справедливость, по его мнѣнію, не зависитъ ни отъ какой религіи, хотя она до сихъ поръ постоянно съ нею смѣшивалась.

Отрицая религіозное начало справедливости, Прудонъ считаетъ ее самое высшимъ закономъ „опредѣляющимъ и упорядочивающимъ неопредѣленные и противорѣчивые факты общественной жизни". „Все, что наша мудрость знаетъ о справедливости, замѣчаетъ Прудонъ, содержится въ знаменитомъ изреченіи: поступайте со своими ближними такъ, какъ ты желаешь, чтобы поступали съ тобою; а чего ты не желаешь себѣ, то не дѣлай и ближнему".

Основываясь на идеѣ справедливости, Прудонъ отрицаетъ всѣ законы, считая, что отношенія между людьми могутъ опредѣляться только посредствомъ свободнаго договора.

„Я готовъ вступать въ договорныя отношенія,—говоритъ онъ,—но я не желаю никакихъ законовъ; я не признаю ни одного изъ нихъ; я оставляю за собой право не подчиняться никакимъ принудительнымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ ко мнѣ будто бы необходимое начальство. Законы! Мы знаемъ, что они такое и чего они стоятъ.

Они тонки какъ паутина для могущественныхъ и богатыхъ, но крѣпче самыхъ прочныхъ цѣпей для бѣдныхъ и малыхъ міра сего; это рыболовныя сѣти, разставляемыя правительствами".

Отрицая законы и ставя на ихъ мѣсто договорныя отношенія, Прудонъ точно также отрицаетъ и государство, которое создаетъ принужденіе надъ личностью вмѣсто договора. Онъ не только отрицаетъ его полезность, но даже считаетъ, что существованіе его въ особенности противорѣчитъ справедливости.

„Никакая монархическая власть не можетъ быть законна, — говоритъ Прудонъ. Ни наслѣдованіе, ни избраніе, ни всеобщее голосованіе, ни достоинства правителя, ни религіозное утвержденіе не могутъ сдѣлать ее законной". Республиканское правительство, по мнѣнію Прудона, почти не отличается отъ монархическаго. Когда во Франціи правительство второй республики выработало послѣ продолжительной работы свою конституцію, Прудонъ сказалъ: „Я подаю голосъ противъ вашей конституціи, не только потому, что она дурна, но и потому, что она конституція".

Всѣ партіи, по мнѣнію Прудона, безъ исключенія, разъ онѣ стремятся къ власти, представляютъ лишь особыя формы самодержавія; и не будетъ существовать свободы для гражданъ, порядка въ обществѣ, единенія между рабочими, до тѣхъ поръ, пока, вмѣсто того, чтобы вѣрить въ правительство, мы не откажемся отъ него разъ навсегда. Справедливость требуетъ, чтобы государство было замѣнено иной формой человѣческаго общежитія, основанной на договорѣ. Такую форму будущаго устройства Прудонъ назвалъ анархіей и федераціей.

Въ этомъ новомъ обществѣ людей будетъ соединять не какая-либо верховная власть, а исключительно сила договора, и, слѣдовательно, лишь собственная воля человѣка, создающая этотъ договоръ, будетъ для него закономъ. По-

этому въ обществѣ, построенномъ исключительно на договорѣ, будетъ дѣйствительно свобода. Люди будутъ соединяться въ группы, группы будутъ въ свою очередь образовывать общины, общины будутъ объединяться въ округа и провинціи, которыя будутъ вступать въ договоры съ другими провинціями, и такъ далѣе. Всѣ должностныя лица должны выбираться населеніемъ посредствомъ голосованія. Для объединенія дѣйствій этихъ лицъ они сами выбираютъ своихъ начальниковъ, которые въ свою очередь выбираютъ своихъ высшихъ руководителей, и такъ далѣе. Высшая законодательная власть должна принадлежать народному собранію, избираемому всеобщей подачей голосовъ. При такой организаціи, по мнѣнію Прудона, полный порядокъ будетъ совмѣстимъ съ полной свободой.

Кромѣ законовъ и государства, стѣсняющихъ свободу личности, Прудонъ указываетъ еще на третьяго и, быть можетъ, главнѣйшаго врага свободы, а именно на собственность.

„Собственность есть кража“, говоритъ Прудонъ. Кража она потому, что противорѣчитъ справедливости, потому что нельзя найти никакого основанія, которое могло бы ее оправдать.

Она не можетъ быть основана на правѣ завладѣнія, потому что каждый обладаетъ этимъ правомъ въ силу своего существованія, а разъ онъ владѣетъ собственностью, а у другого ея нѣтъ, то ужъ справедливость нарушена.

Трудъ точно также не можетъ быть основаніемъ собственности, потому что справедливо, чтобы человѣку принадлежали лишь плоды его труда; но вѣдь трудиться можно лишь надъ чѣмъ-нибудь: надъ землей, надъ матерьяломъ и т. п., а эта земля или матеріалъ не могутъ быть по справедливости собственностью человѣка.

Не можетъ быть собственность основана и на взаимномъ соглашеніи, потому что, если нѣсколько человѣкъ

уступаютъ одному въ собственность извѣстную цѣнность, то значитъ они отказываются отъ своихъ правъ на нее; но для того, чтобы уступить собственность другому, надо сперва имѣть самому права на эту вещь. Кромѣ того такая уступка можетъ быть лишь временнымъ договоромъ, такъ какъ каждый день рождаются новые люди, не участвовавшіе въ прежнихъ договорахъ и въ силу своего существованія имѣющіе одинаковыя права съ другими людьми на всѣ земные предметы.

Еще меньше можетъ быть основано право собственности на давности владѣнія; такъ какъ если я взялъ чужую вещь, то держи я ее одинъ часъ, или десять лѣтъ, или сто, она отъ этого не сдѣлается моей.

Такимъ образомъ Прудонъ не можетъ признать право собственности и считаетъ ее лишь замаскированныхъ видомъ воровства или грабежа.

Прудонъ считаетъ воровствомъ не только то, что обыкновенно понимается подъ этимъ словомъ, т. е. присвоеніе чужого имущества посредствомъ насилія или обмана, но и всевозможные способы присвоенія продуктовъ чужого труда, какъ-то: игру въ карты, лотереи, ростовщичество, взиманіе ренты во всѣхъ ея видахъ, полученіе прибыли, превышающей вознагражденіе, слѣдуемое данному лицу за его работу всякія незаслуженныя жалованья, жирные оклады и т. п. „Открытое употребленіе насилія и хитрости,—говоритъ Прудонъ, — уже съ давнихъ поръ всѣми было признаны непозволительнымъ; но еще ни одинъ народъ не доразвился до того, чтобы освободиться отъ воровства, связаннаго съ извѣстными видами пользованія талантомъ, трудомъ и имуществомъ“. Въ этомъ смыслѣ Прудонъ называетъ собственность „воровствомъ“, „эксплоатаціей слабыхъ сильными“, „противозаконной“, „самоубійствомъ общества“. Собственность, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, должна

исчезнуть и замѣниться формой распредѣленія продуктовъ труда, основанной на договорѣ.

Итакъ, когда Прудонъ, во имя справедливости, требуетъ извѣстнаго распредѣленія собственности, то это значитъ лишь, что въ результатѣ договоровъ, на почвѣ которыхъ возникаетъ новый общественный строй, создается извѣстная форма распредѣленія и при томъ такая, при которой каждому члену общества будетъ обезпеченъ продуктъ его труда.

Считая, что главнѣйшей причиной нищеты и большинства общественныхъ недуговъ является нарушеніе справедливости при обмѣнѣ продуктовъ труда. Прудонъ рѣшилъ основать обмѣнный банкъ, одной изъ главныхъ цѣлей котораго было дать возможность рабочимъ обходиться при обмѣнѣ своими издѣліями безъ посредничества торговцевъ. Рабочіе должны были приносить свои издѣлія въ банкъ и получать взамѣнъ ихъ билеты банка, сообразно количеству затраченныхъ часовъ труда на изготовленіе принесенныхъ издѣлій. На эти билеты рабочіе могли получать, при посредствѣ того же банка, необходимые имъ предметы.

Тюремное заключеніе, которому подвергся Прудонъ за слишкомъ рѣзкое выраженіе своихъ идей, помѣшало ему осуществить задуманное предпріятіе.

Прудона многіе считали какимъ то чудовищемъ, готовымъ потоками крови залить существующій міръ для того, чтобы на его развалинахъ могли совершаться дикія оргіи сторонниковъ безпорядка. Между тѣмъ этотъ боецъ за справедливость былъ безконечно далекъ отъ мысли о какомъ-либо насильственномъ разгромѣ старыхъ порядковъ. Онъ не признавалъ никакого иного средства воздѣйствія на людей, кромѣ убѣжденія. Онъ говорилъ, что необходимо, чтобы люди, узнавшіе истину, убѣдили другихъ, что справедливость требуетъ измѣненія существующаго строя. Никакихъ другихъ путей Прудонъ не признавалъ.

„Насъ,—замѣчаетъ онъ,—призываютъ сначала произ-

вести революцію и говорятъ, что тогда уже явится просвѣщеніе. Но вѣдь революція есть не что иное, какъ просвѣтленіе головъ!"...

Несмотря на насилія, свидѣтелями которыхъ намъ приходится быть, я не думаю, чтобы въ одинъ прекрасный день свободѣ пришлось бы прибѣгнуть къ силѣ, чтобы отвоевать свои права и отомстить за нанесенныя ей оскорбленія. Разумъ сослужитъ намъ лучшую службу, терпѣніе столь же непреодолимо, какъ и революція"...

„Разъ люди убѣдятся въ томъ, что справедливость требуетъ измѣненія общественнаго строя, деспотизмъ падетъ самъ собой въ силу своей ненужности. Государство и собственность исчезаютъ, право преобразовывается и наступаетъ новое состояніе общества. Революція находитъ союзниковъ во всѣхъ угнетаемыхъ и эксплоатируемыхъ, ей достаточно появиться, чтобы весь міръ открылъ ей свои объятія".

„Я желаю мирной революціи. Для осуществленія моихъ требованій вы должны воспользоваться тѣми самыми учрежденіями, уничтоженія которыхъ я требую, и примѣнять тѣ самые принципы, дополненіе которыхъ составляетъ вашу задачу. Такимъ образомъ, новое общество должно явиться результатомъ свободнаго, естественнаго и необходимаго развитія стараго, и революція должна означать не только устраненіе прежняго порядка, но въ то же время и усовершенствованіе его".

Въ сочиненіяхъ Прудона встрѣчается не мало противорѣчій. Можно оспаривать пригодность тѣхъ средствъ, которыя онъ предлагалъ для измѣненія существующаго строя, можно возражать противъ тѣхъ или иныхъ сторонъ идеальнаго будущаго общественнаго строя, который онъ старался намѣтить, но нельзя не признать за Прудономъ большой заслуги, какъ разрушителя тѣхъ устарѣлыхъ и вредныхъ идей, которыя мѣшаютъ человѣчеству на пути къ совершен-

ствованію. Близорукія люди мечтаютъ объ исправленіи тѣхъ или иныхъ недостатковъ въ законодательствѣ, — Прудонъ показываетъ имъ, что все законодательство никуда не годится. Они пытаются ремонтировать ветхое зданіе государства, — Прудонъ доказываетъ, что надо его сломать цѣликомъ отъ крыши до фундамента. Они хотятъ навести глянецъ на потускнѣвшее понятіе о собственности, — Прудонъ сдираетъ съ этого понятія всю позолоту и показываетъ, что золото служило покрышкой для воровства.

Прудонъ не архитекторъ, который строитъ свѣтлый храмъ для будущихъ поколѣній, но онъ своимъ сильнымъ умомъ расчищаетъ мѣсто для этого храма, сметая огромныя кучи мусора, накопленныя предками, и въ этомъ тяжеломъ трудѣ его великая заслуга и право на вниманіе и благодарность потомства.

III.

Максъ Штирнеръ.

Было время, когда человѣкъ бродилъ по лѣсамъ жалкимъ, безпомощнымъ существомъ, питаясь случайно попавшейся добычей, всегда насторожѣ, всегда опасаясь за свою жизнь. Силы человѣка были слишкомъ ничтожны. Окружающія его враждебныя силы природы были слишкомъ могущественны.

Великій учитель человѣчества—нужда научила людей многочисленнымъ средствамъ борьбы съ окружающей природой и самымъ могущественнымъ изъ этихъ средствъ было объединеніе людей въ общества. Объединившіеся въ общества люди могли съ большимъ успѣхомъ бороться и противъ дикихъ звѣрей и противъ холода и голода. Чѣмъ крѣпче было объединеніе, тѣмъ болѣе обезпеченными чувствовали себя люди, бывшіе его членами. Иногда одно общество соединялось съ другими для того, чтобы бороться съ

какой нибудь особенно опасной бѣдой или чтобы выполнить работу, которая была не подъ силу небольшой общинѣ. Выгода объединенія общинъ и естественное размноженіе людей способствовало увеличенію размѣровъ человѣческихъ обществъ. Мелкія племена соединялись въ одинъ народъ. Одни общины присоединялись къ другимъ добровольно, понимая всѣ тѣ выгоды, которыя давало такое соединеніе, нѣкоторыя были присоединены силой, и потомки присоединенныхъ впослѣдствіи забывали о совершенномъ надъ ихъ предками насиліи и объединялись въ одномъ обществѣ съ потомками присоединителей. Такимъ образомъ изъ разроставшагося человѣческаго общества создавалось государство. Выгоды, которыя получала человѣческая личность отъ существованія государства были весьма многочисленны и очевидны. Къ сожалѣнію, люди стали слишкомъ преувеличивать значеніе этихъ выгодъ. Люди рождались, выростали и умирали, на смѣну однимъ поколѣніямъ являлись новыя, а государства оставались. Мѣнялись властители, мѣнялись частности государственнаго порядка, но сущность государствъ оставалась безъ перемѣны и, мало-по-малу, люди стали смотрѣть на государство, какъ на нѣчто священное.

Изъ исторіи мы знаемъ много примѣровъ, какъ ради благополучія или славы государства люди жертвовали своей жизнью и жизнью своихъ родныхъ и близкихъ, и на такія пожертвованія современники всегда смотрѣли, какъ на какіе то подвиги, какъ на проявленіе высшихъ добродѣтелей. Да и въ наше время, когда возникаетъ война одного государства съ другимъ, люди точно такъ-же идутъ на смерть, считая, что они совершаютъ что-то хорошее, исполняютъ свой долгъ. Все это происходило и происходитъ только потому, что въ людяхъ укоренился неправильный взглядъ на государство, какъ на нѣчто священное.

Но вѣдь на самомъ то дѣлѣ ничего священнаго въ государствѣ нѣтъ, вѣдь на самомъ то дѣлѣ оно создалось

только для того, чтобы обезпечить благополучіе тѣхъ людей, изъ которыхъ оно состоитъ, и существованіе его имѣетъ смыслъ только до тѣхъ поръ, пока оно исполняетъ свое назначеніе, т. е. исправно служитъ благополучію человѣка.

Но если государство начинаетъ отнимать отъ человѣческой личности самое необходимое, если для блага государства люди должны терпѣть постоянную нищету, холодъ голодъ и униженіе, вплоть до насильственной смерти, то, само собою разумѣется, что такое государство—неоплатный должникъ передъ личностью и, чѣмъ скорѣе его власть будетъ разрушена, тѣмъ лучше.

Въ настоящее время многіе начинаютъ понимать, что человѣческая личность безсовѣстно ограблена государствомъ, и стараются сбросить съ себя иго государственнаго строя и убѣдить другихъ людей сдѣлать то же. Но какъ во всякой борьбѣ люди не могутъ удержаться отъ увлеченія, такъ и въ борьбѣ личности противъ государства, люди, защищающіе человѣческую личность, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ ига государства, пытаются освободить личность рѣшительно отъ вякихъ обязанностей по отношенію къ другимъ людямъ и отъ всякихъ стѣсненій. Къ такимъ представителямъ анархизма, доводящимъ свободу личности до крайнихъ предѣловъ, принадлежитъ Іоаннъ Каспаръ Шмидтъ, подписывавшій свои произведенія псевдонимомъ Максъ Штирнеръ, подъ какимъ именемъ онъ главнымъ образомъ и былъ извѣстенъ читающей публикѣ.

О жизни Штирнера у насъ очень мало свѣдѣній. Родился онъ въ 1806 г. въ Байретѣ въ Баваріи. Съ 1826 по 1829 годъ онъ изучалъ филологію и теологію въ Берлинѣ и Эрлангенѣ, потомъ, оставивъ научныя занятія, отправился путешествовать по Германіи, живя по-долгу въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ 1832 году онъ возвратился въ Берлинъ и послѣ двухлѣтней подготовки сдалъ экзаменъ на препода-

вателя гимназіи. Лѣтъ десять онъ работалъ въ одной частной женской гимназіи, но потомъ прекратилъ это занятіе, посвятивъ себя исключительно литературѣ философскаго характера. Онъ умеръ въ 1856 году.

Первая половина 19-го столѣтія была весьма интереснымъ временемъ для Германіи, Наполеоновскія войны разбудили въ нѣмцахъ чувство необыкновеннаго патріотизма Для того, чтобы сохранить свои государственныя формы, нѣмцы принесли огромныя жертвы, сотни тысячъ людей легли на поляхъ сраженій, въ надеждѣ, что ихъ смертью будетъ завоевано благополучіе оставшихся въ живыхъ. Но когда внѣшній врагъ былъ побѣжденъ и побѣдителямъ оставалось только пользоваться плодами своихъ побѣдъ тогда оказалось, что та мать-отчизна, за которую умирали отважные бойцы, не мать, а мачеха, что тѣ формы государственнаго строя, за которыя было пролито столько крови, не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ и что та, свобода, которая грезилась борцамъ, какъ награда за ихъ жертвы и усилія, оказалась не свободой, а новымъ рабствомъ.

Такое разочарованіе въ лучшихъ надеждахъ не могло не найти отраженія и въ литературѣ и въ философіи. У однихъ оно вызвало безпощадныя насмѣшки и проклятія по адресу правительствъ, обманувшихъ ожиданія народа, у другихъ—полное отрицаніе не только государственнаго строя, права человѣчности, но и какихъ-либо обязанностей, связывающихъ зичность человѣка. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и Штирнеръ.

Человѣческая личность, по мнѣнію Штирнера, сама въ себѣ заключаетъ свою цѣль. „Человѣкъ ни къ чему не *призванъ* и у него нѣтъ никакой *задачи*, какъ нѣтъ призванія у растенія или животнаго“... „Если есть хоть одна истина, которой человѣкъ долженъ посвятить свою жизнь, свои силы, потому что онъ человѣкъ, то значитъ онъ под-

чиненъ этой истинѣ, подчиненъ правилу, господству, закону и т. д., значитъ онъ слуга"... „Покуда ты вѣришь въ истину, ты не вѣришь въ самого себя, ты—слуга, религіозный человѣкъ. Одинъ ты—истина, или, вѣрнѣе, ты больше истины, которая ничто передъ тобой".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Штирнера, высшимъ закономъ, руководящимъ дѣятельностью человѣка, является его личное благо, а личное благо заключается въ наслажденіи жизнью. Штирнеръ не признаетъ никакихъ обязанностей. Онъ ничего не дѣлаетъ ради Бога, или ради человѣка, а только ради самого себя. „Ты для меня, восклицаетъ Штирнеръ, не что иное, какъ моя пища, точно также и ты поѣдаешь и используешь меня. У насъ другъ къ другу есть лишь одно отношеніе—отношеніе годности, полезности, пользы"... „И я также люблю людей, не только отдѣльныхъ личностей, а всѣхъ вообще людей. Но моя любовь къ людямъ сознательно эгоистична, я люблю ихъ потому, что любовь дѣлаетъ меня счастливымъ. Я люблю потому, что любовь для меня естественна, потому что мнѣ такъ нравится. Я не знаю никакой *заповѣди любви.*"

Ставя выше всего человѣческую личность, стремящуюся къ наслажденію жизнью, и отвергая всѣ иныя основы поведенія, Штирнеръ, конечно, долженъ отрицать и право, и государство, и собственность.

Право, какъ понятіе о законномъ, дозволенномъ, справедливомъ, непремѣнно требуетъ признанія какого то высшаго нравственнаго авторитета, устанавливающаго эти понятія, но разъ этотъ авторитетъ отвергнутъ, разъ эта основа разрушена, то падаютъ сами собой и понятія о законномъ, дозволенномъ, справедливомъ, т. е. понятіе о правѣ. Въ этомъ случаѣ вмѣсто понятія о правѣ выступаетъ понятіе о силѣ. „Я имѣю право, говоритъ Штирнеръ, на все то, на что я имѣю силу"... „Тотъ, кто имѣетъ силу, тотъ стоитъ выше закона".

О государствѣ Штирнеръ высказываетъ слѣдующія мысли: „Государство можетъ процвѣтать, въ то время какъ личность подавляется и страдаетъ. Всякое государство есть деспотія, будетъ ли въ немъ одинъ деспотъ, или многіе, или же, какъ обыкновенно представляютъ себѣ республику, всѣ будутъ господами, т. е. всѣ будутъ проявлять деспотизмъ по отношенію другъ къ другу. Государство всегда имѣетъ цѣлью ограничить отдѣльную личность, связать, подчинить ее, поставить ее въ подчиненное положеніе по отношенію къ чему нибудь общему. Всякую свободную дѣятельность государство старается стѣснить своей цензурой, своимъ контролемъ, своей полиціей, и оно считаетъ такое стѣсненіе своей обязанностью."

По мнѣнію Штирнера, государство должно быть замѣнено иной формой общежитія, основанной исключительно на стремленіи къ личному благу каждаго изъ членовъ общества. Членовъ такихъ общежитій будетъ соединять исключительно сознаніе личной выгоды и личная воля. Человѣкъ будетъ отдавать свои силы общежитію или союзу людей только потому, что въ нихъ онъ увидитъ наилучшую возможность полнаго проявленія своихъ силъ. Какъ на примѣръ такихъ эгоистическихъ союзовъ, Штирнеръ указываетъ на общества, образуемыя дѣтьми для игръ, и на другіе добровольные союзы, возникающіе вслѣдствіе присущаго людямъ инстинкта общительности.

Во имя требованій свободной человѣческой личности, стремящейся къ своему благу, Штирнеръ отрицаетъ и право собственности. „Собственность не священна, говоритъ онъ. Я не отступаю робко передъ твоей и вашей собственностью, а всегда смотрю на нее, какъ на свою собственность, которую мнѣ рѣшительно нечего „уважать". Поступайте же точно также съ тѣмъ, что вы называете моей собственностью". „Собственность лишь стѣсняетъ, ограничиваетъ личность, а не существуетъ для ея блага, какъ обыкновенно ду-

мают. Она должна быть замѣнена формой распредѣленія, основанной исключительно на стремленіи каждаго къ его личному благу. При такой формѣ распредѣленія каждый владѣлъ бы всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и возможность добыть себѣ". (Подъ силой Штирнеръ подразумѣваетъ не только физическую силу, но все то, что можетъ оказать воздѣйствіе на окружающихъ. Слабость стариковъ, безпомощность ребенка, все это силы, которыя заставляютъ другихъ людей служить имъ).

„Если мы не желаемъ, приводитъ примѣръ Штирнеръ, оставлять землю въ рукахъ поземельныхъ собственниковъ, а желаемъ присвоить ее себѣ, то мы соединяемся для этой цѣли, образуемъ союзъ, общество, которое становится собственникомъ земли"... „Та собственность, долю которой пожелаетъ имѣть каждый, будетъ отнята у личности, желающей имѣть ее въ своемъ исключительномъ пользованіи и будетъ обращена въ общественную собственность".

Для того, чтобы произошло измѣненіе существующаго строя, по мнѣнію Штирнера, необходимо, чтобы совершилось у достаточнаго количества людей внутренняя перемѣна, благодаря которой они признали бы высшимъ закономъ для себя свое личное благо, и тогда эти люди насильственнымъ путемъ уничтожатъ право, государство и собственность и установятъ новый общественный порядокъ.

Проповѣдуя возмущеніе противъ существующаго строя, Штирнеръ отличаетъ возмущеніе отъ революціи. „Возмущеніе, по его мнѣнію, не есть борьба противъ существующаго строя, такъ какъ тамъ, гдѣ оно находитъ благопріятную почву, существующій порядокъ разрушается самъ собой; оно есть лишь мое высвобожденіе изъ существующаго. Разъ я оставляю существующій строй, онъ умираетъ и разлагается. Такъ какъ цѣль моя не въ томъ, чтобы ниспровергнуть существующій порядокъ, а въ томъ, чтобы возвыситься надъ нимъ, то мое намѣреніе и дѣяніе будутъ не политическими

или соціальными, а эгоистическими, какъ направленныя исключительно на меня, на мою неотъемлемую личность".

Штирнеръ въ своихъ разсужденіяхъ производитъ впечатлѣніе человѣка, которому до смерти надоѣли всѣ хорошія слова о любви къ людямъ, къ отечеству, къ человѣчеству, о самопожертвованіи ради тѣхъ или иныхъ идей, однимъ словомъ, всѣ тѣ приманки, которыми впродолженіе столькихъ лѣтъ ловкіе господа заманивали довѣрчивыхъ людей. Разочаровавшись во всѣхъ призывахъ и знаменахъ, онъ объявляетъ себя эгоистомъ и ломитъ какъ буря, сметая на своемъ пути всѣ учрежденія, всѣ вѣрованія, отталкивая этимъ отъ своего ученія и закрывая отъ людскихъ глазъ то зерно истины, которое въ немъ имѣется.

Но при всей своей крайности Штирнеръ на самомъ дѣлѣ оказывается не достаточно разрушительнымъ. Какъ порывистая буря, ломающая деревья, но не вырывающая ихъ, оставляетъ въ землѣ корни, такъ и Штирнеръ, во имя эгоизма опрокидываетъ существующій строй, оставляетъ цѣлымъ его корни, т. е. именно этотъ самый эгоизмъ, а изъ этихъ корней старый строй выростаетъ вновь со всѣми своими недостатками. Вѣдь только человѣческій эгоизмъ создалъ законы, опредѣляющіе, что дозволено людямъ и что запрещено, эгоизмъ исцарапалъ земной шаръ государственными границами и одинъ только эгоизмъ могъ создать право собственности.

Какъ въ знаменитое ученіе о борьбѣ за существованіе въ позднѣйшее время внесено добавленіе, въ которомъ повѣствуется о борьбѣ за жизнь другихъ, такъ и Штирнеровская теорія эгоистическаго возстанія личности противъ существующаго строя нуждается въ поправкѣ, которая указывала бы на необходимость борьбы за человѣческую личность другихъ людей во имя высшаго, руководящаго принципа, дающаго смыслъ жизни.

IV.

М. Бакунинъ.

Нерѣдко въ руслахъ нашихъ обмелѣвшихъ рѣкъ или среди чахлой лѣсной поросли, приходится встрѣчать огромныхъ размѣровъ пни, свидѣтельствующіе о томъ, что и въ нашей опустошенной странѣ, когда-то выростали величественные лѣсные гиганты. Точно также и среди нашего безлюдья, среди мелкихъ людишекъ, копающихся въ душной атмосферѣ мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей, попадаются люди, передъ которыми невольно останавливаешься въ изумленіи, задавая себѣ неразрѣшимый вопросъ: какимъ образомъ въ нашей принижающей обстановкѣ могъ вырости этотъ великанъ мысли?

Если такія явленія странны для нашего времени, то тѣмъ большее удивленіе должны они были вызывать въ мрачную эпоху „николаевщины“. Вѣдь какъ бы ни были велики умственныя силы человѣка, внѣшняя обстановка, среда, обстоятельства, оказываютъ на нихъ огромное вліяніе. Если мы видимъ среди искривленнаго, чахлаго дубняка полузаросшіе пни столѣтнихъ великановъ, мы понимаемъ, какое множество деревьевъ погибаетъ, не имѣя возможности развернуть во всю, заложенныя въ нихъ силы; когда мы видимъ среди низменныхъ, пошлыхъ людей, одинокихъ скитальцевъ, отмѣченныхъ печатью генія, мы не можемъ не думать о тѣхъ невѣдомыхъ намъ дарованіяхъ, которымъ суровая жизнь не дала возможности развиться.

Эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда вспоминаешь тѣ обстоятельства, при которыхъ складывалась умственная личность Бакунина.

Бакунинъ, родившійся въ 1824 году, происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Образованіе получилъ скудное какое можно было получить въ артиллерійскомъ корпусѣ

того времени. Онъ былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ, но его отецъ, разсердившійся на него за что-то, выхлопоталъ, чтобы его перевели въ армію. И вотъ юный Бакунинъ очутился въ какой-то глухой бѣлорусской деревнѣ, гдѣ стоялъ артиллерійскій паркъ, въ которомъ онъ служилъ. Недюжинныя умственныя силы юноши требуютъ выхода, но въ этомъ медвѣжьемъ углу не съ кѣмъ слова сказать. Читать нечего. Нелѣпая служба опротивѣла... И юноша бросается на постель въ своемъ тулупѣ, лежитъ дни, лежитъ ночи, ничего не дѣлая, никого не видя. Весьма вѣроятно, что въ непродолжительномъ времени, онъ нашелъ бы себѣ утѣшеніе въ водкѣ, въ которой бы и утопилъ всѣ тѣ душевные ростки, которые незримо таились въ немъ, тщетно ожидая возможности роста.

Къ счастью для Бакунина, его начальникъ заявилъ ему, что если онъ поступилъ на службу, то долженъ служить какъ слѣдуетъ, а то лучше выйти въ отставку. У Бакунина и въ мысляхъ не было о возможности отставки. Онъ тотчасъ же оставилъ службу и поѣхалъ въ Москву, гдѣ со свойственной ему страстностью, бросаясь отъ одной науки къ другой, старался пополнить недостатки своего образованія. Тамъ съ нимъ сошелся Станкевичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, и оцѣнивъ его способности, засадилъ его за изученіе величайшихъ нѣмецкихъ философовъ. Не зная нѣмецкаго языка, Бакунинъ выучился ему, читая Канта и Фихте, и въ совершенствѣ усвоилъ идеи тогдашняго властителя думъ— Гегеля.

Жить въ тогдашней Россіи для такой натуры, какъ у Бакунина, было пыткой. Онъ всей душой рвался въ Берлинъ для завершенія своего образованія. Средствъ у него не было, и онъ обратился за помощью къ Герцену. „Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой воз-

можности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли... Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что, давъ мнѣ средства ѣхать заграницу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья—отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства, для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству, и всѣмъ окружающимъ меня людямъ".

Герценъ оцѣнилъ таланты Бакунина и помогъ ему завершить образованіе заграницей.

Очень многіе изъ русскихъ людей, попавъ на долго заграницу, чувствуютъ себя какъ растенія, вырванныя съ корнемъ изъ родной почвы. Нѣтъ никакого захватывающаго дѣла, нѣтъ связи съ окружающей жизнью. Отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ. Бакунинъ этого не чувствовалъ. Онъ быстро освоился съ заграничной жизнью, всей душой сталъ на сторону рабочаго класса и принялъ самое горячее участіе въ цѣломъ рядѣ революціонныхъ движеній. Во время возстанія въ Дрезденѣ въ 1849 году, онъ былъ начальникомъ обороны, и взятый въ плѣнъ послѣ упорной борьбы, былъ приговоренъ къ смертной казни. Смертная казнь была замѣнена вѣчной тюрьмой. Но черезъ нѣкоторое время, саксонское правительство передало Бакунина Австріи, гдѣ его также сперва предполагали казнить, но потомъ, продержавши въ Ольмюцской тюрьмѣ полгода прикованнымъ къ стѣнѣ, передали его русскому правительству. Императоръ Николай I былъ польщенъ тѣмъ, что поручикъ

его артиллеріи былъ „диктаторомъ“ столицы Саксоніи, похвалилъ его храброе поведеніе въ Дрезденѣ и посадилъ его въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости, по желанію Николая, Бакунинъ написалъ записку о нѣмецкомъ и славянскомъ движеніи. Императоръ остался запиской очень доволенъ, а про Бакунина замѣтилъ: „онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ, его надобно держать взаперти“. И хорошаго малаго держали въ такой ужасной обстановкѣ Алексѣевскаго равелина, что онъ хотѣлъ лишить себя жизни. Послѣ трехъ лѣтъ, въ 1854 году, его перевели въ Шлиссельбургскую тюрьму. Умеръ Николай, вступилъ на престолъ Александръ II, Бакунинъ продолжалъ сидѣть, и наконецъ, лишь въ 1857 году, его послали на житье въ Восточную Сибирь, откуда только въ 1861 году ему удалось, наконецъ, убѣжать, и переправившись черезъ два океана и Америку, прибыть въ Европу. Долгихъ лѣтъ неволи и страданій какъ не бывало. Бакунинъ съ юношеской энергіей бросается въ борьбу съ существующимъ строемъ.

Гигантскаго роста, съ косматой, какъ у льва, огромной головой, съ дѣтской довѣрчивостью и простотой, неутомимый въ спорахъ, блестящій умомъ Бакунинъ, былъ какъ бы созданъ для агитаторской дѣятельности. Какъ глубокій философъ, онъ легко разрушалъ самыя сложныя теоріи, служащія для поддержанія существующаго строя. Какъ боецъ, онъ ломился къ освобожденію человѣчества, ломился напрямикъ, что бы ни стояло на его пути. Какъ ребенокъ, онъ никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, не думалъ о томъ, что ѣсть и гдѣ спать, и во что одѣться, занималъ деньги направо и налѣво, и точно также разбрасывалъ ихъ и раздавалъ кому попало.

Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Бакунина, — по словамъ близко знавшаго его

Герцена,—прибавляется готовность первому итти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія. Это натура героическая, оставленная исторіей не у дѣлъ. Онъ тратилъ свои силы иногда на вздоръ такъ, какъ левъ тратитъ шаги въ клѣткѣ, все думая, что выйдетъ изъ нея. Но онъ не риторъ, боящійся исполненія своихъ словъ, или уклоняющійся отъ осуществленія своихъ общихъ теорій..."

Въ чемъ же состояли эти теоріи?

Бакунинъ вѣрилъ, что высшимъ закономъ для человѣка является законъ развитія, въ силу котораго человѣчество прогрессируетъ отъ менѣе совершенной къ болѣе совершенной формѣ существованія. „Исторія, — по словамъ Бакунина,— состоитъ въ прогрессивномъ отрицаніи первоначальной животности человѣка черезъ посредство развитія его человѣчности... Позади насъ находится наше животное, впереди насъ наше человѣческое существованіе; свѣтъ человѣчности, который одинъ можетъ просвѣтить и согрѣть, освободить и поднять насъ, сдѣлать насъ свободными, счастливыми и братьями, никогда не находится въ начальной, а всегда въ конечной точкѣ исторіи... Мы никогда не должны смотрѣть назадъ, а всегда лишь впередъ; впереди насъ наше солнце, наше спасеніе..."

Но на пути человѣчества къ счастью лежитъ не мало преградъ, изъ которыхъ многія созданы самими людьми. Къ такимъ преградамъ между прочимъ принадлежатъ и тѣ писанные законы, которые люди называютъ правомъ, и которые способствуютъ увеличенію господства сильнаго надъ слабымъ.

Политическое законодательство, — говоритъ Бакунинъ,— основывается-ли оно на волѣ правителя, или на подачѣ голосовъ народными представителями, избираемыми всеобщимъ голосованіемъ, никогда не можетъ находиться въ соотвѣтствіи съ законами природы и всегда зловредно и враждебно свободѣ народныхъ массъ уже потому, что оно навязываетъ

имъ систему внѣшнихъ и, слѣдовательно, деспотичныхъ законовъ... Всякое законодательство имѣетъ послѣдствіемъ порабощеніе общества и вмѣстѣ съ тѣмъ развращеніе законодателей.

Отрицая существующее право, выражающееся въ современныхъ законахъ, Бакунинъ признаетъ только естественныя права человѣка, напримѣръ, „право на самостоятельность". „Для меня,—говоритъ онъ,—какъ для отдѣльной личности, это означаетъ, что я, въ качествѣ человѣка, имѣю право не повиноваться никакому другому человѣку и поступать по своему усмотрѣнію".

Бакунинъ признаетъ точно также право, требующее исполненія договоровъ, конечно въ извѣстныхъ границахъ, такъ какъ „человѣческая справедливость не можетъ признать никакихъ вѣчныхъ обязательствъ. Всѣ права и обязанности основываются на свободѣ. Право свободнаго соединенія въ союзы и расторженіе ихъ есть первое и важнѣйшее изъ всѣхъ политическихъ правъ".

Къ несчастью существуетъ такой союзъ людей, который, разъ возникнувъ, считаетъ себя выше единичныхъ стремленій, его создавшихъ, ставитъ себя выше людей и старается ихъ поработить. Такой союзъ называется государствомъ, которое когда-то было весьма полезно для развитія человѣческой личности, а теперь стало ея врагомъ.

Въ своемъ стремленіи поработить человѣческую личность, государство имѣетъ сильнаго союзника въ лицѣ религіи. Не единой истинной религіи, которая заключается въ признаніи высшаго идеала, руководящаго человѣческими поступками, а той низменной религіи, которая, распадаясь на множество религіозныхъ вѣрованій, опутываетъ людей всевозможными суевѣріями и мѣшаетъ человѣческой личности достигнуть полнаго развитія и полнаго обладанія всѣми своими духовными силами [1]).

[1]) Бакунинъ, какъ человѣкъ своего времени, не могъ разобраться въ вопросѣ о религіи и не могъ отличить истинную религію отъ ложной. Для

Во всѣхъ странахъ,—говоритъ Бакунинъ, — государство родилось отъ союза насилія, разбоя, грабежа,—короче говоря, войны и завоеванія—съ богами, постепенно созданными религіозной фантазіей народовъ... Тотъ, кто говоритъ объ откровеніи, говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о боговдохновенныхъ личностяхъ, сообщившихъ людямъ откровеніе, о мессіяхъ, пророкахъ, жрецахъ и законодателяхъ; а разъ эти послѣдніе признаны представителями божества на землѣ, самимъ богомъ избранными учителями человѣчества, то само собою разумѣется, что они должны имѣть неограниченную власть. Всѣ обязаны слѣпо повиноваться имъ, такъ какъ передъ божественнымъ разумомъ не имѣетъ силы разумъ человѣческій, передъ божественной справедливостью не имѣетъ значенія справедливость земная. Въ качествѣ рабовъ бога, люди должны быть рабами церкви, а, по-скольку она освящаетъ государство, также и рабами государства... Нѣтъ государства безъ религіи и никакое государство не можетъ обойтись безъ нея. Возьмите самыя свободныя государства въ мірѣ, какъ напримѣръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты или Швейцарскій союзъ, и вы увидите, какую важную роль во всѣхъ оффиціальныхъ рѣчахъ играетъ божественное провидѣніе... Правительства не безъ основанія считаютъ вѣру въ бога существеннымъ условіемъ своего могущества... Есть классъ людей, которые, если они и невѣрующіе, все же непремѣнно должны представляться, какъ будто они вѣруютъ. Къ этому классу принадлежатъ всѣ мучители, поработители и эксплуататоры человѣчества. Духовенство, монархи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всякаго рода, полицейскіе, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, ростовщики, предприниматели и домовладѣльцы, адвокаты, экономисты, политики всѣхъ оттѣнковъ, всѣ они вплоть

него всякая религія была грубымъ суевѣріемъ, созданнымъ для обмана и порабощенія людей.

до послѣдняго лавочника всегда будутъ хоромъ повторять слова Вольтера: „если бы не было Бога, то его слѣдовало бы выдумать; потому что, не правда-ли, вѣдь долженъ же народъ имѣть религію.“

Поддерживаемое церковнымъ обманомъ государство, по мнѣнію Бакунина, является поработителемъ управляемыхъ. „По самому существу своему, оно можетъ только повелѣвать и принуждать, а не убѣждать... Даже тогда, когда оно приказываетъ добро, оно лишаетъ это добро его цѣнности, такъ какъ всякое приказаніе, есть вызовъ, брошенный свободѣ; какъ только добро приказывается, оно становится зломъ, съ точки зрѣнія истинной, то-есть человѣческой нравственности, человѣческаго достоинства и свободы. Вѣдь свобода, нравственность и достоинство человѣка, состоитъ именно въ томъ, чтобы дѣлать добро не потому, что ему приказываютъ, а потому, что онъ сознаетъ, желаетъ и любитъ“.

Государство развращаетъ не только управляемыхъ, но и управляющихъ. Всякое привиллегированное положеніе, всякая власть физическая или экономическая, непремѣнно развращаетъ, какъ отдѣльныхъ властителей, такъ и классы общества и цѣлые народы.

„Могущественныя государства могутъ утверждать свою власть лишь путемъ преступленій, маленькія государства добродѣтельны, лишь вслѣдствіе слабости“. „Мы отъ всей души ненавидимъ монархію; но въ то же время мы убѣждены, что и большая республика съ войскомъ, бюрократіей и политической централизаціей, поставитъ себѣ задачей завоеваніе извнѣ и угнетеніе внутри и не будетъ въ состояніи гарантировать счастье и свободу своимъ подданнымъ, хотя бы они и назывались гражданами“. „Вѣдь даже въ чистѣйшихъ демократіяхъ, какъ напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи, привиллегированное меньшинство противостоитъ громадному угнетенному большинству“.

Отрицая современную форму государства, Бакунинъ считаетъ, что человѣчество создастъ въ недалекомъ будущемъ новую форму общежитія, въ которой людей будетъ связывать не верховная власть, а сознаніе потребности такого соединенія и сила договора. „На мѣсто прежней организаціи сверху внизъ, покоящейся на насиліи и авторитетѣ, станетъ новая, не имѣющая никакой иной основы, кромѣ естественныхъ потребностей, наклонностей и стремленій людей... Такимъ образомъ явится свободное соединеніе отдѣльныхъ личностей въ общины, общинъ въ провинціи провинцій въ націи, націй въ Соединенные Штаты Европы, а позже и всего міра".

Однимъ изъ весьма серьезныхъ препятствій къ совершенствованію человѣчества является право частной собственности. Оно точно такъ же, какъ и государство, когда-то приносило извѣстную пользу людямъ, но въ настоящее время вредъ отъ него значительно больше пользы. Въ обществѣ будущаго, частную собственность будутъ составлять только предметы непосредственнаго употребленія; земля же, орудія производства и всѣ другіе виды капитала будутъ общественной собственностью".

„Основой новаго міра должна быть справедливость,—говоритъ Бакунинъ,—безъ нея не можетъ быть ни свободы, ни общественной жизни, ни преуспѣянія, ни мира. Справедливость—и притомъ не справедливость судей или священниковъ, или оторвавшихся отъ жизни, книжныхъ людей,—а простая человѣческая справедливость повелѣваетъ, чтобы въ будущемъ потребленіе каждаго члена общества соотвѣтствовало количеству произведенныхъ имъ продуктовъ. И такъ, надо найти средство сдѣлать невозможной для всякаго, кто бы онъ ни былъ, эксплуатацію чужого труда и,—каждому лишь по-стольку позволить пользоваться запасомъ предметовъ потребленія, принадлежащимъ обществу и представляющимъ ни что иное, какъ продуктъ

труда,—по-скольку онъ непосредственно своимъ трудомъ содѣйствовалъ созданію этого запаса".

Средство же заключается въ томъ, „чтобы землей, орудіями производства и всѣми другими видами капитала пользовались исключительно рабочіе, то-есть образуемыя ими земледѣльческія и промышленныя товарищества". И для этого вовсе не нужно учрежденія какой-нибудь верховной власти. „Во имя свободы,—замѣчаетъ Бакунинъ,—которая одна можетъ быть основой, какъ экономической, такъ и политической организаціи общества, мы всегда будемъ протестовать противъ всего, что хотя бы отдаленно напоминаетъ коммунизмъ или государственный соціализмъ... Я желаю организаціи общества и коллективной, или общественной собственности снизу вверхъ, въ силу свободнаго соглашенія, а не сверху внизъ черезъ посредство какого-нибудь авторитета".

Но какими же средствами возможно достигнуть коренного измѣненія существующаго строя? По мнѣнію Бакунина, установленіе новаго порядка совершится путемъ соціальной революціи, то-есть насильственнаго переворота, который произойдетъ самъ собой въ силу естественнаго хода вещей. Ускореніе и облегченіе этого переворота должно быть задачей тѣхъ, кто предвидитъ ходъ развитія.

„У народа есть три пути, чтобы избавиться отъ своей горькой доли,—говоритъ Бакунинъ,—два воображаемыхъ и одинъ дѣйствительный. Первые два—кабакъ и церковь, третій—соціальная революція... Исцѣленіе возможно лишь путемъ соціальной революціи".

Кровавая революція, по мнѣнію Бакунина, есть всегда зло, громадное зло и большое несчастіе, не только потому что она сопряжена съ жертвами, но и съ точки зрѣнія чистоты и совершенства той цѣли, во имя которой она совершается [1]).

---

[1]) Здѣсь у Бакунина замѣчается явное противорѣчіе. Будучи сторонникомъ насильственнаго переворота, онъ въ то же время высказывается противъ „кровавой революціи". Признавая къ уничтоженію вещей, а не

Бойни, предпринятыя съ политической цѣлью, никогда не уничтожали партій, противъ которыхъ онѣ были направлены, въ особенности же онѣ оказывались всегда совершенно безсильными по отношенію къ привиллегированнымъ классамъ такъ какъ власть покоится не столько на существованіи какихъ-либо опредѣленныхъ личностей, сколько на томъ положеніи, которое обезпечивается за привиллегированными лицами какими-нибудь учрежденіями, въ особенности же государствомъ и частной собственностью. Итакъ, если желать произвести коренную революцію, то слѣдуетъ нападать на вещи и условія, слѣдуетъ разрушать собственность и государство, тогда не будетъ никакой надобности уничтожать людей и подвергаться опасности, угрожающей со стороны неизбѣжной реакціи, которая всегда и во всѣхъ обществахъ вызывалась и будетъ вызываться убійствомъ людей. Но для того, чтобы имѣть право поступать съ людьми человѣчно, не подвергая тѣмъ самымъ опасностямъ революцію, слѣдуетъ быть неумолимымъ по отношенію къ вещамъ и условіямъ, надо разрушать все и въ особенности и прежде всего собственность и ея необходимое послѣдствіе — государство. Въ этомъ заключается весь секретъ революціи."

Для того, чтобы революція была успѣшна необходимо, чтобы она не являлась вспышкой политическихъ страстей той или иной страны, но была бы дружнымъ подъемомъ рабочихъ цѣлаго ряда сосѣднихъ государствъ Европы. „Политическая и національная революція не можетъ оказаться побѣдоносной, если изъ политической революціи она не превратится въ общественную, и изъ національной во всеобщую, именно въ силу присущаго ей въ самой ея основѣ общественнаго и антигосударственнаго характера".

людей, онъ самъ принимаетъ дѣятельное участіе въ насильственныхъ переворотахъ, при которыхъ гибли и люди. Надо думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ противорѣчій, которыя являются печальнымъ результатомъ разлада между теоріей и практикой.

Для того, чтобы устроить революцію, прежде всего, по мнѣнію Бакунина, необходимо распространеніе среди народныхъ массъ извѣстныхъ идей. „Что мѣшаетъ, чтобы спасительная идея проникла въ рабочія массы словно бурный потокъ? Невѣжество массъ и въ особенности политическіе и религіозные предразсудки, которые еще и по сіе время, благодаря стараніямъ господствующихъ классовъ, затемняютъ природный здравый смыслъ и здоровыя чувства рабочаго“ „Затѣмъ необходимо нѣсколько сотъ предпріимчивыхъ людей, которые могли бы возбудить и направлять движеніе“. „Они должны быть преданными, энергичными и даровитыми людьми, прежде всего любить народъ, быть свободными отъ честолюбія и тщеславія и обладать способностью стать посредниками между революціонной мыслью и народными инстинктами“.

Для того, чтобы привести свои идеи къ осуществленію Бакунинъ основалъ „Международный союзъ соціалистической демократіи“ и всѣ силы своего блестящаго ума отдалъ на распространеніе этихъ идей, какъ среди рабочихъ, такъ и въ другихъ классахъ общества. Передъ смертью онъ попросилъ, чтобы его отвезли въ больницу, гдѣ помѣщаются простые рабочіе. Тамъ онъ и умеръ, и тѣло его положено было среди безвѣстныхъ могилъ тѣхъ незамѣтныхъ людей, ради счастья которыхъ онъ жилъ и боролся.

V.

П. Кропоткинъ.

Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ жизнью П. А. Кропоткина, мы совѣтуемъ прочесть его книгу: „Записки Революціонера“. Эта книга читается съ захватывающимъ интересомъ; она написана въ высшей степени просто, а по своимъ художественнымъ достоинствамъ является однимъ

изъ выдающихся литературныхъ произведеній послѣдняго времени.

Обращая вниманіе нашихъ читателей на эту книгу, мы только кратко упомянемъ о нѣкоторыхъ интересныхъ чертахъ изъ жизни Кропоткина.

Князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ родился въ 1842 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ военный служака Николаевскаго времени и богатый помѣщикъ, владѣющій 1200 душъ крѣпостныхъ людей. Мальчикомъ и юношей П. Кропоткинъ видѣлъ всѣ ужасы крѣпостного права, но они не оказали на него развращающаго вліянія, по всей вѣроятности оттого, что въ ранніе годы его дѣтства была еще слишкомъ жива память о его рано умершей матери, которую дворовые и крестьяне боготворили за ея доброту.

„Все мое дѣтство, пишетъ Кропоткинъ, перевито воспоминаніями о ней. Какъ часто, гдѣ-нибудь въ темномъ коридорѣ рука дворового ласково касалась меня или брата Александра. Какъ часто крестьянка, встрѣтивъ насъ въ полѣ, спрашивала: „Выростете-ли вы такими же добрыми, какой была ваша мать? Она насъ жалѣла, а вы будете жалѣть?

„Насъ“—означало, конечно, крѣпостныхъ. Не знаю, что стало бы съ нами, если бы мы не нашли въ нашемъ домѣ среди дворовыхъ ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дѣти“.

Эта атмосфера любви была лучшимъ наслѣдствомъ, которое мать оставила своимъ дѣтямъ и благодаря которому крѣпостное право не развратило ихъ. Повторяя слова поэта, Кропоткинъ имѣетъ полное право сказать:

„И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою

За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!“

Картины крѣпостного права, изображаемыя Кропоткинымъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Отецъ автора, человѣкъ въ сущности не злой, приказывалъ сѣчь дворовыхъ за нѣсколько разбитыхъ тарелокъ. Кропоткинъ описываетъ тяжелую сцену, какъ только что высѣченнаго дворового Макара заставляютъ прислуживать у стола.

„Мачеха, видя, что никто изъ насъ не дотронулся до супа, пробуетъ оживить насъ.

Не находите-ли вы дѣти,—говоритъ она по французски, что супъ сегодня превосходный.

Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ корридорѣ, и хочу поцѣловать его руку; но онъ вырываетъ ее и говоритъ не то съ упрекомъ, не то вопросительно: Оставь меня; небось, когда выростешь, и ты такой же будешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!..,“

Всѣ родные и знакомые Кропоткиныхъ принадлежали къ высшему аристократическому кругу, воспитывался П. Кропоткинъ въ Пажескомъ корпусѣ, то есть въ самомъ аристократическомъ военно-учебномъ заведеніи, и тѣмъ не менѣе добрые задатки, полученные въ дѣтствѣ, и демократическій духъ времени взяли верхъ надъ развращающимъ вліяніемъ среды. Блестящія способности и неутомимая жажда знанія сдѣлали то, что вмѣсто придворнаго офицера изъ Кропоткина выработался выдающійся ученый.

Осенью 1871 года Географическое Общество просило Кро-

поткина, уже составившаго себѣ извѣстность, принять должность секретаря. Это было заманчивое предложеніе, такъ какъ оно открывало широкій путь молодому ученому для дальнѣйшихъ работъ.

„Наука—великое дѣло, пишетъ Кропоткинъ. Я зналъ радости, доставляемыя ею, и цѣнилъ ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ многіе мои собратья...

„Но какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба, когда все затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высокихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ и не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей? У кого-нибудь кусокъ долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка.

„Знаніе—могучая сила. Человѣкъ долженъ овладѣть имъ. Но мы и теперь уже знаемъ много; что еслибы это знаніе, и только это, стало достояніемъ всѣхъ?...

„Массы хотятъ знать. Онѣ хотятъ учиться; онѣ могутъ учиться...

„Вотъ въ какомъ направленіи мнѣ слѣдуетъ работать, и вотъ тѣ люди, для которыхъ я долженъ работать. Всѣ эти звонкія слова насчетъ прогресса держатся въ сторонѣ отъ народа, всѣ эти громкія фразы—одни софизмы. Ихъ придумали, чтобы отдѣлаться отъ разъѣдающаго противорѣчія...

„И я послалъ мой отказъ Географическому обществу.“

Въ слѣдующемъ году Кропоткинъ уже становится членомъ кружка Чайковскаго. Цѣлью этого кружка сперва было лишь саморазвитіе. Члены кружка считали, что для всякой общественной дѣятельности прежде всего необходимы нравственно развитые люди. Они мечтали подготовить цѣлый

рядъ такихъ людей, которые могли бы разбудить дремлющія массы народа и направить ихъ на борьбу за попранныя права человѣка, за лучшее будущее. Среди этой подготивительной работы въ 1874 году Кропоткинъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ вѣроятно бы и погибъ отъ невыносимыхъ для здоровья условій, если бы его не перевели въ госпиталь, откуда ему удалось бѣжать въ 1876 году и пробраться за границу.

За границей убѣжденія Кропоткина окончательно сформировались, и онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся проповѣдниковъ того ученія, которое извѣстно подъ названіемъ анархизма.

Основнымъ закономъ человѣчества, по мнѣнію Кропоткина, является стремленіе отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому состоянію. Изслѣдуя жизнь человѣчества, мы замѣчаемъ, что оно состоитъ изъ обществъ, цѣлью которыхъ, какъ и всего человѣчества, является доставленіе своимъ членамъ наибольшаго количества счастья, при наименьшей затратѣ человѣческой силы. То, что называютъ обыкновенно прогрессомъ, есть вѣрный путь, ведущій къ этой цѣли. На пути къ такому счастью люди встрѣчаютъ разнообразныя препятствія.

„Новыя идеи всюду зарождаются и стремятся пробиться наружу и найти примѣненіе въ жизни; но развитіе ихъ задерживается инертностью (неподвижностью) тѣхъ, чьи интересы требуютъ поддержанія стараго порядка, и идеи эти задыхаются подъ гнетомъ давно отжившихъ предразсудковъ и традицій... Политическія, экономическія и общественныя учрежденія рушатся, и общественное зданіе, ставшее непригоднымъ, лишь препятствуетъ развитію тѣхъ ростковъ, которые пробиваются сквозь его щели и вокругъ него... Тогда наступаетъ пора великихъ событій, круто порывающихъ нить исторіи и выбивающихъ человѣчество изъ наѣзженной колеи на новый путь. Революція становится необходимостью...

Человѣкъ созналъ свое мѣсто въ природѣ, онъ созналъ, что учрежденія суть ни что иное, какъ его же созданія, и что имъ однимъ они могутъ быть пересозданы"...

Способы пересозданія общества, конечно, для каждаго могутъ представляться различными. Но, при всѣхъ различіяхъ во мнѣніяхъ, по мнѣнію Кропоткина, всегда должно быть признано одно основное требованіе безусловно необходимое для достиженія счастья человѣчества. „Требованіе это,—говоритъ Кропоткинъ,—можно выразить въ видѣ слѣдующаго положенія: поступай съ другими такъ, какъ ты желалъ бы, чтобы поступали съ тобою при тѣхъ же условіяхъ."

Рядомъ съ этимъ требованіемъ Кропоткинъ выставляетъ еще требованіе, дополняющее первое; „будь силенъ, предавайся со всей страстью мышленію и дѣятельности, такъ чтобы они били ключемъ—и тогда твой умъ, твоя любовь и твоя энергія перепьются въ окружающихъ."

Но дѣятельность человѣка на своемъ пути встрѣчаетъ разнообразнѣйшія препятствія, въ числѣ которыхъ наиболѣе существенными являются: право, то есть законы въ связи съ ихъ исполнительными органами,—государство и частная собственность.

„Законъ, по мнѣнію Кропоткина, представляетъ искусное смѣшеніе обычаевъ, полезныхъ для общества, которые соблюдались бы и помимо законовъ, и другихъ обычаевъ, которые выгодны лишь господствующему меньшинству, массамъ же приносятъ вредъ и могутъ поддерживаться лишь путемъ устрашенія... Законъ, бывшій сначала лишь собраніемъ обычаевъ, способствовавшихъ сохраненію общества, теперь является въ рукахъ богатыхъ бездѣльниковъ лишь орудіемъ эксплоатаціи и порабощенія трудящихся массъ." „Что же касается до законовъ уголовныхъ, то большею частью они являются ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ мести со стороны государства, мести, унаслѣдованной отъ временъ

варварскаго состоянія, мести, возведенной государствомъ въ законъ."

„Организованная общественная месть, именуемая Судомъ и Справедливостью, — говоритъ Кропоткинъ въ своемъ докладѣ международному революціонному рабочему конгрессу 1900 года, — есть пережитокъ, унаслѣдованный нами изъ нашего рабскаго прошлаго... Рожденное изъ временъ закрѣпощенія и рабства, учрежденіе суда служитъ въ исторіи, чтобы удержать закрѣпощеніе и рабство, и продлить ихъ существованіе. Это учрежденіе поддерживаетъ въ обществѣ идеи о необходимости мести, возведенной въ добродѣтель. Оно служитъ школою воспитанія въ обществѣ противуобщественныхъ привычекъ и наклонностей. Онъ вливаетъ въ общественную жизнь цѣлый мутный потокъ всякой грязи и разврата, развивающихся вокругъ судовъ и тюремъ, проводниками его въ обществѣ являются полицейскій, палачъ, шпіонъ, провокаторъ и быстро развивающіяся нынѣ агентства частнаго шпіонства и такъ далѣе,—причемъ этотъ потокъ грязи растетъ съ каждымъ годомъ".

Общество будущаго, по мнѣнію Кропоткина, пойметъ, что законъ есть ни что иное, какъ закрѣпленіе и обоготвореніе обычаевъ и понятій давно прошедшаго времени, и сумѣетъ отказаться отъ этого идолопоклонства. Общество будущаго найдетъ возможность обходиться безъ этого отжившаго учрежденія, „обратившись къ вольному, свободно избранному въ каждомъ случаѣ третейскому суду, и найдетъ выходъ въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, установившихся между всѣми гражданами, равно какъ въ воспитаніи привычекъ труда и общественности, при помощи всѣхъ тѣхъ могучихъ средствъ, которыхъ не можетъ не открыть общество, отказавшееся отъ передачи своей нравственной гигіены полицейскому и жандарму". Кропоткинъ полагаетъ, что въ будущемъ, для поддержанія добраго согласія между членами общества, будетъ достаточно соблюденія обычныхъ правилъ

общежитія, такъ называемаго „обычнаго права“, а подчиненіе ему будетъ достаточно гарантировано потребностью каждаго въ сотрудничествѣ, помощи и дружбѣ, и боязнью быть исключеннымъ изъ общества.

Человѣчество на своемъ пути отъ менѣе счастливаго къ болѣе счастливому существованію, отбрасывая ветхія формы жизни и создавая новыя, отброситъ въ недалекомъ будущемъ и государство.

„Государство, говоритъ Кропоткинъ, создаетъ цѣлую армію чиновниковъ, которые словно пауки сидятъ въ своихъ сѣтяхъ и видятъ свѣтъ только сквозь грязныя окна своихъ канцелярій. Громадныя, все возрастающія суммы, взимаемыя государствомъ съ народа, всегда оказываются недостаточными; государство живетъ на счетъ будущихъ поколѣній и на всѣхъ парахъ несется къ банкротству. Государство и война означаетъ одно и то же; одно государство стремится ослабить и разорить другое, чтобы навязать ему свои законы, свою политику, свои торговые договоры и чтобы обогатиться на его счетъ... Государство, которое первоначально должно было быть защитникомъ всѣхъ и, въ особенности, слабыхъ, въ настоящее время превратилось въ орудіе, пускаемое въ ходъ богатыми противъ эксплоатируемыхъ, имущими противъ неимущихъ“.

Но какъ же быть безъ государства, спрашиваютъ робкіе, близорукіе люди? Вѣдь, стремясь разрушить государство, анархисты могутъ вернуть человѣка въ первобытное состояніе, въ состояніе непрестанной войны каждаго противъ всѣхъ?

Въ своемъ сочиненіи „Государство и его роль въ исторіи“, недавно переведенномъ подъ редакціей автора на русскій языкъ, Кропоткинъ указываетъ на блестящій историческій примѣръ устройства внѣ государственнаго общежитія. Этотъ примѣръ представляютъ средневѣковые вольные города, которые „втеченіе первыхъ двухъ столѣтій своего су-

ществованія сдѣлались центрами благосостоянія для всего населенія, центрами богатства и культуры, какихъ мы съ тѣхъ поръ никогда больше не видали. Справьтесь съ документами, дающими возможность установить размѣръ заработной платы сравнительно со стоимостью предметовъ потребленія, и вы увидите, что трудъ ремесленника и даже простого поденьщика того времени оплачивался лучше, чѣмъ въ наше время трудъ наиболѣе искуснаго рабочаго [1]).

Но это счастливое для работника время не было временемъ тупой сытости. Это было время одного изъ наибольшихъ подъемовъ искусства и науки, какіе только помнитъ человѣчество. Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо да Винчи, Данте, Петрарка и множество другихъ славныхъ именъ служатъ яркимъ напоминаніемъ о расцвѣтѣ той цивилизаціи, которая была создана въ вольныхъ городахъ среднихъ вѣковъ. Взгляните на воздвигнутые этими городами знаменитые готическіе соборы, краснорѣчивые свидѣтели подъема искусства того времени. Обратите вниманіе на мелочи, на мебель, на посуду, на предметы обихода и всюду вы увидите неопровержимое доказательство, что работникъ того времени не былъ частью фабричной машины, какъ теперь, но былъ развитымъ человѣкомъ, проникнутымъ любовью къ своему труду.

Этотъ расцвѣтъ искусства былъ смятъ, эти вольные города раздавлены, но гибель пришла не отъ нашествія варварскихъ полчищъ. Тройственный союзъ военнаго, судьи и священника или погубилъ эти очаги средневѣковой цивилизаціи, или въ значительной степени ослабилъ ихъ дѣятельность. Воинственныя государства опутали своими сѣтями

---

[1]) Понятно, что размѣръ вознагражденія, получаемаго работникомъ за свой трудъ, должень разсматриваться непремѣнно въ связи съ цѣной необходимыхъ работнику припасовъ. Если припасы очень дороги, то и большой платы за трудъ будетъ недостаточно для жизни; если же они дешевы, то можно жить хорошо и при малой платѣ за трудъ.

вольные города и вытянули изъ нихъ соки. Судьи постарались заковать жизнь въ оковы законовъ, созданныхъ еще въ древнемъ Римѣ, а священники давили всякое проявленіе свободной мысли и, во имя будущаго небеснаго блаженства и рая съ ангелами, превращали настоящій міръ въ мрачный адъ, населенный дьяволами.

Въ настоящее время власть государства достигла наибольшаго развитія. Но какъ дерево, достигшее предѣловъ своего роста, близко къ паденію, какъ мыльный пузырь, растянувшійся до крайнихъ предѣловъ, долженъ лопнуть, такъ и государство, сказавъ свое послѣднее слово, должно разрушиться, уступивъ мѣсто инымъ формамъ человѣческаго общежитія.

„Въ настоящее время,—говоритъ Кропоткинъ,—мы можемъ наблюдать ростъ анархическаго движенія, то-есть движенія, направленнаго къ ограниченію правительственной дѣятельности... Свободные союзы начинаютъ присвоивать себѣ понемногу все поле человѣческой дѣятельности... Большія организаціи, основанныя исключительно на добровольномъ соглашеніи, становятся все болѣе многочисленны". Примѣровъ такихъ внѣ-государственныхъ организацій мы видимъ множество. Таковы желѣзнодорожныя общества, общества страхованія и другія коммерческія организаціи, общества подачи помощи потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, всевозможныя благотворительныя общества и тому подобныя.

„Особеннаго вниманія, по мнѣнію Кропоткина, заслуживаетъ общество Краснаго Креста: избивать людей на полѣ сраженія остается задачей государства, но это же самое государство объявляетъ себя неспособнымъ оказать помощь своимъ раненымъ и большую часть этой задачи предоставляетъ частной иниціативѣ".

Какія формы приметъ общественная жизнь людей будущаго, сказать невозможно, но каждый можетъ рисовать себѣ такія формы грядущаго строя, къ осуществленію которыхъ онъ долженъ стремиться.

Кропоткинъ полагаетъ, что люди будутъ соединяться въ общины, связанныя общностью своихъ стремленій. Соединяться въ такія общины они будутъ путемъ заключенія договоровъ. Люди примутъ на себя обязательства по отношенію къ обществу, которое съ своей стороны обяжется оказывать имъ извѣстныя услуги. Не будетъ надобности принуждать къ выполненію этихъ договоровъ, не потребуется ни наказаній, ни судей. Исполненіе договоровъ будетъ вполнѣ достаточно гарантировано потребностью каждаго въ сотрудничествѣ, помощи и расположеніи окружающихъ. Того, кто не исполняетъ взятыхъ на себя обязательствъ, вѣдь могутъ исключить изъ общества... Не будетъ ни тюремъ, ни какихъ-либо другихъ карательныхъ мѣръ, а противъ тѣхъ немногихъ вредныхъ обществу поступковъ, которые еще будутъ совершаться, лучшимъ средствомъ будетъ мягкое, любовное обращеніе съ провинившимся, нравственное воздѣйствіе и свобода".

Очень часто думаютъ, что грандіозныя предпріятія, составляющія гордость нашего времени, вродѣ прорытія огромныхъ каналовъ, тунелей, постройки желѣзныхъ дорогъ, станутъ невозможны съ уничтоженіемъ государства. Но дѣло въ томъ, что вѣдь и въ наше-то время всѣ эти сооруженія производятся большей частью безъ участія государства различными предпринимателями, наживающими при этомъ огромныя деньги. Если же за такія дѣла взялись бы нѣсколько заинтересованныхъ общинъ, то онѣ выполнили бы всѣ эти работы не только не хуже, но лучше подрядчиковъ, такъ какъ вся предпринимательская прибыль оставалась бы въ пользу общинъ.

При современномъ строѣ сельско-хозяйственные продукты скупаются торговцами у крестьянъ и продаются городскимъ рабочимъ, при чемъ громадные барыши остаются въ рукахъ скупщиковъ. Такіе же барыши наживаютъ и люди, устроившіе фабрики, на которыхъ городскіе рабочіе изготовляютъ

сельско-хозяйственныя орудія, необходимыя для крестьянъ. Съ уничтоженіемъ государства, городскія и сельскія общины будутъ просто обмѣниваться своими произведеніями, не давая себя обирать ни торговцамъ, ни фабрикантамъ, ни правительственнымъ чиновникамъ, какъ это дѣлается въ настоящее время.

На своемъ пути къ совершенствованію, человѣчество въ недалекомъ будущемъ откажется отъ частной собственности, которая въ наше время является источникомъ множества бѣдствій. Вѣдь только вслѣдствіе существованія частной собственности, образовалось то неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, какое мы видимъ въ настоящее время, когда въ рукахъ однихъ людей сосредоточены милліарды рублей, а другіе умираютъ отъ голоду, не имѣя возможности найти себѣ работы.

Многіе предполагаютъ, что существованіе мелкой земельной собственности, наоборотъ, спасаетъ людей отъ нищеты, но и въ Западной Европѣ и въ Россіи мы видимъ какъ разъ обратное. Крестьяне давно уже стали не настоящими собственниками земли, а прикрѣпленными къ ней батраками, всѣ силы которыхъ уходятъ на уплату процентовъ ростовщикамъ-банкирамъ и податей государству.

Существованіе частной собственности создаетъ цѣлый классъ людей съ туго набитой мошной, стремящихся лишь къ непрерывнымъ наслажденіямъ, праздныхъ и распущенныхъ, которые,—какъ замѣчаетъ Кропоткинъ,—отдаваясь своимъ животнымъ инстинктамъ, „непремѣнно будутъ обезчещивать женщинъ и дѣтей, развращать искусство, театръ и прессу, продавать свое отечество и его защитниковъ, а такъ какъ они слишкомъ трусливы, чтобы самимъ стать убійцами, то они будутъ посылать на бойню отборную часть своего народа, какъ только у нихъ явится боязнь за свою мошну“.

Частная собственность нарушаетъ справедливость,—го-

воритъ Кропоткинъ.—„Все накопленное богатство произведено совокупнымъ трудомъ всего общества и притомъ трудомъ, какъ настоящаго поколѣнія, такъ и всѣхъ прошедшихъ. Домъ, въ которомъ мы находимся въ настоящую минуту, имѣетъ цѣнность лишь потому, что онъ находится въ Парижѣ, въ этомъ прекрасномъ городѣ, представляющемъ наслоеніе труда двадцати послѣдовательныхъ поколѣній. Если перенести этотъ домъ въ снѣжныя пустыни Сибири, то онъ потерялъ бы почти всю свою цѣнность. Эта машина, изобрѣтенная тобой, и на которую у тебя есть патентъ, содержитъ въ себѣ трудъ пяти или шести поколѣній; она представляетъ цѣнность, лишь поскольку она является частью того огромнаго цѣлаго, которое мы называемъ промышленностью девятнадцатаго вѣка [1]). Переправь твою машину для вязанія кружевъ въ Новую Гвинею къ (дикарямъ) папуасамъ—и она утратитъ всякую цѣнность... Наука и промышленность, теорія и практика, изобрѣтеніе и примѣненіе его къ дѣлу, которое въ свою очередь ведетъ къ новымъ изобрѣтеніямъ, умственный и ручной трудъ,—все связано одно съ другимъ. Всякое изобрѣтеніе, всякій успѣхъ, всякое увеличеніе принадлежащаго намъ запаса хозяйственныхъ благъ, обязано своимъ происхожденіемъ всей совокупности физической и умственной дѣятельности прошлыхъ и современныхъ поколѣній. Слѣдовательно, какое же право имѣетъ кто-нибудь присвоить исключительно себѣ хоть самую ничтожную часть этого громаднаго цѣлаго и сказать: это принадлежитъ мнѣ, а не вамъ".

Человѣчество, въ своемъ стремленіи къ совершенствованію, мало-по-малу уже начинаетъ переходить отъ частной собственности къ собственности общественной. Дороги и мосты, составлявшіе частную собственность, владѣльцы ко-

---

[1]) А промышленность 19-го вѣка образовалась изъ промышленности предшествовавшихъ вѣковъ.

торыхъ брали съ прохожихъ и проѣзжихъ деньги, становятся общественнымъ достояніемъ. Картинные галлереи, музеи, сады, библіотеки и т. п., становятся общественными и безплатными. Появляются безплатные театры. Во многихъ городахъ населеніе безплатно снабжается водой въ неограниченномъ количествѣ. Существуютъ даже проекты безплатныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Но несмотря на всѣ эти признаки приближенія будущаго строя, для многихъ осуществленіе его кажется слишкомъ трудно достижимымъ.

Конечно, прежде всего придется озаботиться объ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей. Для этого,— какъ предполагаетъ Кропоткинъ,—достаточно „чтобы всѣ взрослые члены общества, за исключеніемъ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, обязались бы съ 20 или 22-лѣтняго до 45 или 50-лѣтняго возраста ежедневно посвящать по пяти часовъ на какую-нибудь изъ работъ, считаемыхъ необходимыми, при чемъ они будутъ пользоваться свободой выбора рода труда... Общество могло бы, напримѣръ, заключать съ каждымъ изъ своихъ членовъ слѣдующій договоръ: „Мы гарантируемъ тебѣ пользованіе нашими домами, житницами, улицами, средствами передвиженія, школами, музеями и т. п., съ тѣмъ условіемъ, чтобы отъ 20-лѣтняго до 50 или 45-лѣтняго возраста ты ежедневно посвящалъ бы по пяти часовъ какому-нибудь полезному труду. Во всякій данный моментъ ты будешь имѣть право свободнаго выбора той группы, къ которой ты хочешь примкнуть, или даже можешь основать новую группу, лишь бы она обязалась производить предметы первой необходимости.

Окончивши обязательную работу на полѣ или фабрикѣ, всякій можетъ посвятить остальное время удовлетворенію своихъ артистическихъ и научныхъ склонностей... Любитель музыки, желающій пріобрѣсти рояль, вступитъ въ союзъ фортепіанныхъ мастеровъ; онъ потратитъ извѣстную часть

своего свободнаго времени и вскорѣ будетъ обладателемъ желаемаго инструмента. Тотъ, кто увлекается астрономіей, примкнетъ къ союзу астрономовъ, состоящему изъ философовъ, наблюдателей, счетчиковъ, оптиковъ, ученыхъ и любителей; онъ получитъ желаемый инструментъ, если только онъ посвятитъ ихъ общему дѣлу извѣстное количество труда, такъ какъ всякая обсерваторія нуждается въ большомъ количествѣ грубаго физическаго труда каменщиковъ, столяровъ, литейщиковъ и механиковъ... однимъ словомъ тѣ пять или семь свободныхъ часовъ, которыми будетъ располагать всякій, послѣ того, какъ онъ предварительно посвятить нѣсколько часовъ производству предметовъ первой необходимости, будутъ совершенно достаточны, чтобы сдѣлать доступными для него всякаго рода предметы роскоши".

Но вѣдь не всякій трудъ пріятенъ. Существуютъ работы противныя и тяжелыя. Ихъ будутъ избѣгать. Это правда, но для такихъ работъ, во-первыхъ, можетъ быть уменьшено число часовъ труда, а во-вторыхъ, какъ говоритъ Кропоткинъ,—„если въ настоящее время еще существуютъ непріятныя работы, то это объясняется лишь тѣмъ, что люди науки никогда не ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какъ сдѣлать ихъ болѣе пріятными; они всегда знали, что найдется достаточное количество голодныхъ людей, которые за гроши будутъ работать и при существующихъ условіяхъ... Вѣдь фабрики, заводы и рудники могутъ быть совершенно такъ же гигіеничны и роскошно устроены, какъ лучшія лабораторіи нашихъ университетовъ; и чѣмъ совершеннѣе будетъ ихъ устройство, тѣмъ больше будетъ доставляемый ими доходъ."

Каждый въ обществѣ будущаго будетъ трудиться сообразно своимъ силамъ и получать соотвѣтственно своимъ потребностямъ. Если же, чего трудно ожидать, случилось бы такъ, что какихъ-либо предметовъ потребленія оказалось бы недостаточно, то ихъ распредѣляли бы сообразно потребно-

стямъ по порціямъ, при чемъ предпочтеніе отдавалось бы дѣтямъ, старикамъ и вообще слабымъ.

Переходъ отъ весьма несовершеннаго существующаго строя къ болѣе совершенному строю будущаго произойдетъ,—по мнѣнію Кропоткина,—путемъ соціальной революціи, путемъ насильственнаго переворота, который совершится самъ собой; а подготовить къ нему умы есть задача тѣхъ, которые предвидятъ ходъ постепеннаго общественнаго развитія.

Чтобы новыя идеи осуществились, говоритъ Кропоткинъ, „необходима страшная гроза, которая уничтожила бы всю гниль, своимъ дыханіемъ оживила бы истомленныя души и возвратила бы одряхлѣвшему, разрушающемуся и разлагающемуся обществу способности самопожертвованія, самоотреченія и героизма.“ Кропоткинъ полагаетъ, что для того, чтобы подготовить умы къ революціи необходимо сдѣлать общеизвѣстной цѣль революціи, то есть необходима неустанная пропаганда словомъ и дѣломъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Правильно оцѣнить положеніе вещей могутъ въ настоящее время лишь очень немногіе. Массы народа до сихъ поръ еще слишкомъ невѣжественны. Пропаганда можетъ принимать самыя разнообразныя формы, „но прежде всего, замѣчаетъ Кропоткинъ, чтобы возбудить въ народѣ смѣлость и духъ возмущенія, пропаганда должна вліять на массы всегда посредствомъ примѣра.“ Примѣромъ же должны служить отдѣльныя революціонныя дѣйствія наиболѣе энергичныхъ и мужественныхъ людей. Первые зачинщики, конечно, погибнутъ. Погибнутъ, вслѣдствіе равнодушія массъ, и ихъ послѣдователи, но мало-по-малу геройство погибшихъ привлечетъ къ ихъ дѣлу сочувствіе все большаго и большаго числа людей, и, наконецъ, отдѣльныя попытки борьбы превратятся во всеобщую революцію, послѣ которой, на развалинахъ разрушенныхъ государствъ, возникнетъ новый, болѣе справедливый и совершенный общественный строй.

Кропоткинъ не думаетъ, что насильственный переворотъ можетъ превратиться въ кровавый терроръ. По его словамъ народъ не возведетъ террора въ систему, подобно царямъ и королямъ: народъ жалѣетъ своихъ жертвъ, онъ слишкомъ добросердеченъ, чтобы ему вскорѣ не стала претить жестокость.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы раздѣлить эти надежды автора. Просвѣщеніемъ народа слишкомъ долго пренебрегали, терпѣніемъ его слишкомъ долго злоупотребляли, а воспоминанія о тысячелѣтнихъ страданіяхъ едва ли возбудятъ кротость и жалость въ почувствовавшихъ свою силу народныхъ массахъ.

Трудно предсказать тѣ формы, какія можетъ принять грядущій переворотъ, но каковы бы онѣ не были, друзья народа должны употребить всѣ свои силы, чтобы чувство мести, такъ долго накапливавшееся въ душѣ народа, не заглушило бы чувствъ справедливости и добра.

VI.

В. Тэккеръ.

О жизни Тэккера мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. Онъ родился въ 1804 году въ Саутъ Дартмутѣ, въ Массачузетсѣ—одномъ изъ просвѣщеннѣйшихъ штатовъ Сѣверной Америки. Въ Бостонѣ онъ получилъ техническое образованіе. Двадцати лѣтъ онъ путешествовалъ по Англіи, Франціи и Италіи. Въ 1877 году онъ временно редактируетъ журналъ „Word“ и съ тѣхъ поръ посвящаетъ себя литературѣ. Съ 1892 года онъ живетъ въ Нью-Іоркѣ, издавая еженедѣльный журналъ „Liberty.“

Казалось бы, что въ основѣ всѣхъ прогрессивныхъ ученій непремѣнно долженъ быть заложенъ альтруизмъ, стремленіе къ общему благу, потому что эгоистическое основаніе

по самой природѣ эгоизма не можетъ способствовать прогрессивному развитію общества, такъ какъ имѣетъ цѣлью благо одного. Зачѣмъ тратить силы на переустройство всего общества, если основной цѣлью является благополучіе одного человѣка.

Но вопреки логическимъ разсужденіямъ, мы замѣчаемъ, что люди, проповѣдующіе ученія несомнѣнно прогрессивнаго характера, стараются обосновать ихъ на стремленіи человѣка къ собственному благу. Таковы были русскіе утилитаріанцы шестидесятыхъ годовъ—эти аскеты матеріализма. Нѣчто подобное можно подмѣтить и въ ученіи Тэккера.

Анархисты, по мнѣнію Тэккера, исповѣдуютъ не только утилитаризмъ, но и эгоизмъ, въ полномъ значеніи этого слова... Анархисты совершенно не признаютъ идей нравственной обязательности, естественныхъ правъ и обязанностей. Сила есть единственное мѣрило права. Всякое отдѣльное лицо, по мнѣнію Тэккера, и всякая группа лицъ, имѣютъ право убивать и подчинять себѣ другихъ людей и цѣлыя общества, поскольку они обладаютъ необходимой для этого силой. Общество имѣетъ право принуждать личность, и личность имѣетъ право принуждать общество, поскольку одна изъ сторонъ обладаетъ достаточной силой для этого."

Но вѣдь если общество имѣетъ право принуждать личность, то, значитъ, оправданы всѣ насилія, производимыя государствомъ надъ личностью,—оправдано существованіе государства. Если же признать, что личность имѣетъ право принуждать общество, то этимъ оправдываются всѣ тираніи, всѣ Камбизы, всѣ Нероны, Иваны Грозные и т. п.

Но, какъ оказывается, Тэккеръ приходитъ къ совершенно инымъ выводамъ. По его мнѣнію, изъ признанія личной выгоды каждаго высшимъ закономъ логически вытекаетъ требованіе равной свободы для всѣхъ. Законъ же равной свободы для всѣхъ ограничиваетъ произволъ личности.

По мнѣнію Тэккера, „всякій имѣетъ право сопротивляться чужому вмѣшательству, нарушающему его свободу, и прибѣгать при этомъ къ насилію. Сущность же сопротивленія не измѣняется отъ того, сопротивляется ли одно лицо другому (напримѣръ, когда человѣкъ защищается отъ нападающаго на него разбойника), или одна личность сопротивляется всему обществу (напр., когда человѣкъ отказывается повиноваться тираническому закону), или, наконецъ, все общество сопротивляется одному лицу (напр., когда народъ возстаетъ противъ деспотическаго правителя).“

Изъ правовыхъ отношеній между членами общества, Тэккеръ признаетъ необходимыми только три: право на неприкосновенность личности, право собственности на продукты своего труда и право, требующее исполненія заключенныхъ договоровъ.

Что касается неприкосновенности личности, то, хотя по мнѣнію Тэккера, усилія общества должны быть направлены, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы устранить причины, вызывающія преступленія противъ личности, однако онъ считаетъ, что примѣненіе къ преступникамъ самыхъ строгихъ мѣръ — до смерти включительно, — не противорѣчитъ основамъ анархизма.

Право на трудъ въ анархическомъ обществѣ должно выражаться въ томъ, чтобы каждый членъ общества могъ безпрепятственно пользоваться, какъ продуктами своего труда, такъ и тѣми продуктами чужого труда, которые онъ пріобрѣлъ безъ обмѣна или насилія, такъ точно и тѣми предметами, существующими въ ограниченномъ количествѣ, которые находятся въ его фактическомъ владѣніи и пользованіи.

Что касается права, требующаго исполненія договоровъ, то для его существованія необходимо, чтобы договоръ былъ заключенъ сознательно, добровольно и, въ то же время, не противорѣчилъ бы человѣческому достоинству лица, всту-

пающаго въ договоръ. Такъ, напримѣръ, договоръ, въ силу котораго члены какого-нибудь союза отказываются отъ права выступать изъ него, не можетъ считаться дѣйствительнымъ, такъ какъ это было бы лишеніе свободы, т. е. величайшее оскорбленіе человѣческаго достоинства.

Само собою разумѣется, что и въ государствѣ Тэккеръ не можетъ не видѣть какъ оскорбленія человѣческаго достоинства, такъ и нарушенія принципа равной свободы для всѣхъ. Необходимымъ условіемъ существованія государства является право насильственнаго взиманія податей... „Какъ можетъ быть совмѣстимо съ закономъ равной свободы для всѣхъ, замѣчаетъ Тэккеръ, чтобы у меня отнимали продуктъ моего труда подъ видомъ уплаты за защиту, которой я не требовалъ и не желалъ?“ А на самомъ-то дѣлѣ государство беретъ плату не за защиту плательщика, а за нарушеніе его же свободы. На обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ это называется не защитой, а издѣвательствомъ.

Говорятъ, что государство необходимо, чтобы защищать мирныхъ гражданъ отъ преступниковъ и оказывать помощь во время общественныхъ бѣдствій. „Но государство само есть величайшій преступникъ, замѣчаетъ Тэккеръ, оно создаетъ преступниковъ гораздо скорѣе, чѣмъ караетъ ихъ... Мы издаемъ тысячи законовъ, создающихъ преступленія, и затѣмъ придумываемъ нѣсколько законовъ, чтобы за эти преступленія наказывать“.

Что же касается до той помощи, которую даетъ государство въ годины бѣдствій, то она обходится народу слишкомъ дорого. Лучше было бы не имѣть никакой помощи и справляться съ бѣдствіями собственными силами, лишь бы не попадать въ рабство къ государству.

Отрицая государство, анархизмъ не отрицаетъ общества, признавая въ общественной жизни лучшее достояніе людей. Но связующимъ началомъ общества должны быть не власть, а сила договора, которая не можетъ связывать человѣка

пожизненно, а тѣмъ болѣе, передавать эту связь по наслѣдству.

Такимъ образомъ общество будущаго представляется Тэккеру въ видѣ добровольныхъ союзовъ, основанныхъ на договорахъ участниковъ этихъ союзовъ.

Когда говорятъ о возможности лучшаго устройства общества, то возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ о томъ, какъ будутъ установлены различныя стороны человѣческаго общежитія въ обществѣ будущаго.

Что необходимо устроиться лучше, это всякій знаетъ, а вотъ какъ устроиться лучше, это является весьма серьезнымъ вопросомъ, на который не всякій сумѣетъ отвѣтить.

Тэккеръ изображаетъ намъ нѣкоторыя условія жизни того идеальнаго общества, которое представляется его воображенію.

Вступая въ союзъ, каждый членъ принимаетъ на себя нѣкоторыя обязанности. Союзъ можетъ потребовать отъ него исполненія извѣстныхъ должностей, при чемъ имѣетъ право принудить его исполнить эти требованія, какъ всякая группа лицъ, связанная договоромъ. Но, по мнѣнію Тэккера, „весьма вѣроятно, что исполненіе договоровъ наиболѣе обезпечено тогда, когда обѣщавшій знаетъ заранѣе, что его не будутъ насильно принуждать исполнять обѣщанное“.

Весьма важнымъ обязательствомъ, принимаемымъ на себя членами союзовъ, является уплата налоговъ. Уплата, конечно, добровольная, какъ слѣдствіе добровольно заключеннаго договора. Эта добровольность уплаты налоговъ, по мнѣнію Тэккера, будетъ союзъ отъ всякаго незаконнаго вмѣшательства въ дѣятельность его членовъ, такъ какъ всякое такое вмѣшательство непремѣнно повело бы къ уменьшенію платежа добровольныхъ налоговъ.

Среди разнообразныхъ добровольныхъ союзовъ въ обществѣ будущаго, по мнѣнію Тэккера, будутъ имѣть наибольшее значеніе страховыя общества, банки для пользованія

взаимнымъ кредитомъ и въ особенности общества защиты личной безопасности.

Та роль защиты личности, которую якобы исполняетъ государство, будетъ передана обществамъ защиты. А такъ какъ такихъ обществъ будетъ нѣсколько, то естественно, между ними явится соревнованіе, и стоимость защиты понизится до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Боязнь лишиться заработка заставляла бы эти общества исполнить свои обязанности какъ можно лучше.

Можетъ, конечно, быть такой случай, что какая-либо ссора произойдетъ между людьми, принадлежащими къ различнымъ обществамъ защиты. Что будетъ тогда? Тэккеръ предусматриваетъ этотъ случай и предполагаетъ, что въ виду возможности такихъ столкновеній общества защиты будутъ заключать другъ съ другомъ особые договоры и устраивать верховные союзные суды.

Общества защиты будутъ не только защищать, но и предупреждать всякое насильственное дѣйствіе, направленное противъ своихъ нанимателей. Въ случаѣ надобности, говоритъ Тэккеръ, анархисты не задумаются прибѣгнуть къ аресту, тюремному заключенію и даже смертной казни, которая якобы будетъ не убійствомъ, а законной защитой. „Допустима даже пытка,—замѣчаетъ Тэккеръ, но, конечно, врядъ ли будутъ прибѣгать къ ней прежде, чѣмъ окажется, что смертная казнь и тюремное заключеніе недѣйствительны".

Излагая различныя анархическія ученія, мы по возможности, стараемся относиться къ нимъ безпристрастно, не вдаваясь въ излишніе споры, но разсматривая сочиненія Тэккера, мы не можемъ не выразить своего удивленія передъ той путаницей, которая, очевидно, царитъ въ мысляхъ этого человѣка. Съ одной стороны, онъ отрицаетъ „нравственную обязательность естественныхъ правъ и обязанностей" и считаетъ, что человѣкъ имѣетъ право убивать

кого ему вздумается, если только онъ достаточно силенъ для этого; съ другой же стороны, разсуждаетъ о какихъ-то союзахъ, основанныхъ на договорахъ. Но какіе же могутъ быть договоры, если при первомъ же удобномъ случаѣ, одинъ изъ договорившихся можетъ убить другого, если это ему выгодно? Говоря объ обществахъ защиты личной безопасности, онъ не обращаетъ вниманія на то, что такое общество только тогда можетъ имѣть значеніе, если оно обладаетъ большими силами. Но если оно очень сильно, то зачѣмъ оно будетъ исполнять роль наемнаго полицейскаго, а не превратится въ разбойничью организацію, которая будетъ порабощать всѣхъ, кого сможетъ? Если ея жертвы захотятъ просить защиты у другихъ обществъ, то вѣдь съ обществами можно вступить въ соглашеніе и образовать цѣлый разбойничій союзъ, которому уже никто не будетъ въ состояніи сопротивляться. Такимъ образомъ общество Тэккера начнетъ повторять всемірную исторію сначала.

У Тэккера несомнѣнно попадаются цѣнныя замѣчанія, но наряду съ ними приходится встрѣчать такую бѣдность мышленія, что остается лишь удивляться тому „стеченію обстоятельствъ", которое, по его же словамъ, сдѣлало его „болѣе или менѣе извѣстнымъ представителемъ ученій современнаго анархизма".

Что касается вопроса о собственности, то Тэккеръ осуждаетъ лишь современную форму ея распредѣленія, которая является результатомъ допускаемаго государствомъ ростовщичества. Слово ростовщичество Тэккеръ понимаетъ очень широко и подраздѣляетъ это понятіе на три разряда: 1) взиманіе процентовъ, 2) взиманіе наемной и арендной платы и 3) полученіе прибыли при обмѣнѣ. Однимъ словомъ онъ считаетъ ростовщичествомъ всякое полученіе средствъ безъ труда, вслѣдствіе занимаемаго исключительно выгоднаго положенія. Это выгодное положеніе однихъ въ ущербъ другимъ создается государствомъ. Государство сосредоточиваетъ

въ своихъ рукахъ, или въ рукахъ своихъ довѣренныхъ, право выдѣлыванья денегъ и этимъ даетъ имъ возможность ставить цѣны товарамъ такія, какія имъ выгоднѣе. Государство защищаетъ право на владѣніе землей тѣхъ лицъ, которыя сами ее не обрабатываютъ, а пользуются ей для того, чтобы держать въ порабощеніи земледѣльцевъ. Государство, учреждая таможенныя пошлины, повышаетъ цѣны товаровъ въ ущербъ покупателямъ. Наконецъ, государство, устанавливая патенты на изобрѣтенія и права литературной собственности и т. п. привилегіи, создаетъ монополистовъ—ростовщиковъ въ области умственной изъ ученыхъ, изобрѣтателей, писателей, получающихъ за свой трудъ несоразмѣрно большое вознагражденіе.

Всѣ эти преграды, построенныя государствомъ, должны быть уничтожены. Прежде всего должна быть уничтожена денежная монополія. Всякій долженъ имѣть право приготовлять и выпускать въ обращеніе деньги, т. е. какъ монету, такъ и всякіе другіе знаки для обмѣна.

Точно такъ же необходимо уничтоженіе частной земельной собственности. Земля должна быть въ распоряженіи того, кто ее обрабатываетъ личнымъ трудомъ. Тогда не будетъ раздѣленія людей на землевладѣльцевъ, арендаторовъ и рабочихъ, но каждый, пользуясь самымъ дешевымъ кредитомъ союзнаго банка, будетъ обрабатывать находящуюся въ его распоряженіи общую землю.

„Съ уничтоженіемъ политической тираніи, — замѣчаетъ Тэккеръ,—должны сами собой исчезнуть экономическія привилегіи“. Нельзя, конечно, ожидать, что всякаго рода трудъ будетъ вознаграждаться одинаково. Нѣкоторое неравенство вознагражденія будетъ всегда существовать, вслѣдствіе цѣлаго ряда случайныхъ причинъ и различія въ способностяхъ людей. Но и это неравенство будетъ все болѣе и болѣе сглаживаться, благодаря отсутствію тѣхъ условій, которыя въ настоящее время искусственно усиливаютъ неравенство.

Для того, чтобы настоящій общественный строй замѣнился анархическимъ, по мнѣнію Тэккера, необходимо, чтобы личности, проникшіяся анархическимъ ученіемъ, убѣдили достаточное число людей, что ихъ собственные интересы требуютъ реформы общества, и чтобы люди эти, сообща отказываясь повиноваться властямъ, уничтожили бы такимъ образомъ государство и измѣнили существующій въ настоящее время общественный строй и форму собственности. Проповѣдь революціи должна вестись посредствомъ слова и печати. Только тамъ, гдѣ нѣтъ свободы слова и печати, можно прибѣгать и къ насилію, однако лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. „Въ Россіи, — замѣчаетъ Тэккеръ, — террористическія дѣйствія цѣлесообразны, тогда какъ въ Германіи и Англіи они нецѣлесообразны... Время вооруженныхъ возстаній миновало, они слишкомъ легко подавляются".

Хорошими средствами, по мнѣнію Тэккера, для пропаганды анархическихъ ученій, могутъ служить единичные отказы отъ уплаты налоговъ и опыты устройства анархическихъ сообществъ въ небольшихъ размѣрахъ.

Когда достаточное число людей сдѣлаются убѣжденными анархистами, то настанетъ часъ для переворота, который уничтожитъ государство и преобразуетъ общественныя отношенія. По мнѣнію Тэккера, соціальная революція должна вылиться въ форму пассивнаго сопротивленія: т. е. отказа въ повиновеніи властямъ. „Пассивное сопротивленіе, говоритъ онъ, есть самое могущественное оружіе, когда-либо пускавшееся въ ходъ человѣкомъ противъ угнетенія... Это единственное сопротивленіе, которое имѣетъ успѣхъ при нынѣшнемъ господствѣ военщины. Въ настоящее время во всемъ культурномъ мірѣ нѣтъ такого тирана, который не предпочелъ бы безпощадно подавить кровавую революцію, чѣмъ увидѣть, что значительная часть его подданныхъ рѣшилась не повиноваться ему. Возстаніе можетъ быть легко подавлено, но никакое войско не пожелаетъ и не можетъ

направить свои ружья противъ мирныхъ людей, которые даже не толпятся на улицахъ, а сидятъ по домамъ и настаиваютъ на своихъ правахъ".

Какъ только люди, хотя и меньшинство, но настолько значительное, что его нельзя засадить въ тюрьму, — какъ только люди отказались бы повиноваться правительству, отказались бы отъ уплаты налоговъ, арендной и квартирной платы, и стали бы сами устраивать свои дѣла, — существованію правительства и государства со всѣми ихъ войсками, судами, полиціей и тюрьмами наступилъ бы конецъ.

VII.

Л. Толстой.

Жизнь и значеніе Л. Н. Толстого достаточно извѣстны нашимъ читателямъ, и потому мы не будемъ говорить о нихъ, а перейдемъ сразу къ тѣмъ сторонамъ его міровоззрѣнія, которыми онъ приближается къ анархистамъ.

По ученію Толстого, высшимъ закономъ для человѣка должна быть любовь. Та любовь, которая является основой ученія Христа. Разнообразныя искаженія этого ученія создали множество различныхъ толковъ, сектъ, религій и т. п. Не принадлежа ни къ одному изъ этихъ вѣроученій, Толстой беретъ изъ ученія Христа лишь то, что, по его мнѣнію, вполнѣ согласуется съ законами разума, и смотритъ на это ученіе не какъ на какое-то сверхчеловѣческое откровеніе, а какъ на мудрѣйшее руководство для разумной и доброй жизни, вытекающее изъ основного закона любви.

То, что люди, не понимающіе жизни,—говоритъ Толстой,—называютъ любовью, это только извѣстное предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену, или ребенка, или друга, онъ говоритъ только то, что

присутствіе въ его жизни его жены, ребенка друга увеличиваетъ благо его жизни... Истинная же любовь всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности".

„Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго и чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь,—того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь. въ которой жизнь человѣка".

Толстой называетъ любовь „единственной разумной дѣятельностью человѣка, разрѣшающей всѣ противорѣчія жизни человѣческой". Она устраняетъ неразумную борьбу существъ, стремящихся къ личному счастью, она даетъ жизни,—которая безъ нея безсмысленно протекала бы въ ожиданіи смерти, — смыслъ, не зависимый отъ времени и пространства.

Изъ закона любви выводится заповѣдь непротивленія злу насиліемъ. Слова Христа: „не противься злому" значатъ, по мнѣнію Толстого, „не противься злому никогда, т. е. никогда не дѣлай насилія, т. е. такого поступка, который всегда противоположенъ любви". Принципъ непротивленія злому—насиліемъ является связующимъ звеномъ для всего ученія Христа. „Стоило мнѣ,—говоритъ Толстой,—понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но во всѣхъ евангеліяхъ, все, что было запутано, стало понятно, что было противорѣчиво, стало согласно; и, главное, что ка-

залось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и несомнѣнно подтверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленные такъ, какъ они должны быть".

Но ученіе о непротивленіи, какъ оно выражено Толстымъ, не слѣдуетъ понимать, какъ запрещеніе всякой борьбы со зломъ. Это ученіе запрещаетъ лишь борьбу насильственную, такъ какъ въ основѣ его лежитъ безусловное отрицаніе всякаго насилія. Заповѣдь непротивленія злу насиліемъ не означаетъ также, что только одна часть людей обязана безъ борьбы покоряться тому, что будетъ предписано имъ извѣстными авторитетами. Эта заповѣдь, чтобы рѣшительно никто ни противъ кого и ни въ какомъ случаѣ не употреблялъ насилія. Поэтому насиліемъ нельзя возстановлять нарушенное право; нельзя учреждать или оберегать государство; нельзя защищать собственности. Въ этомъ запрещеніи насильственной защиты права, государства и собственности заключается ихъ несомнѣнное отрицаніе, въ этомъ выражается анархическій характеръ ученія Толстого.

Несомнѣнно, что то, что люди называютъ правомъ, есть только замаскированная форма насилія. Право въ сущности только ограничиваетъ насиліе въ одной области, узаконяя его въ другой. Существующіе законы, которые людямъ предписывается почитать, какъ нѣчто высшее, на самомъ дѣлѣ являются лишь выраженіемъ того насилія, которое существуетъ въ данномъ обществѣ. И это, конечно, теперь уже не тайна ни для кого, вѣдь народная мудрость уже давно создала такія изреченія, какъ напримѣръ: „законъ — что дышло; куда повернуть, туда и вышло", и т. п.

Хорошо было еврею подчиняться своимъ законамъ,—говоритъ Толстой,—когда онъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ писалъ пальцемъ самъ Богъ; или римлянину, когда онъ думалъ, что ихъ писала нимфа Эгерія; или даже, когда вѣрили, что цари, дающіе законы, — помазанники Божіи; или, хоть тому, что собранія законодательныя имѣютъ и желаніе

и возможность найти наилучшіе законы... Но уже во времена появленія христіанства люди начинали понимать, что законы человѣческіе, выдаваемые за законы божескіе, писаны людьми, что люди не могутъ быть непогрѣшимы, какимъ бы они ни были облечены внѣшнимъ величіемъ, и что ошибающіеся люди не сдѣлаются непогрѣшимыми оттого, что они соберутся вмѣстѣ и назовутся сенатомъ или какимъ-нибудь другимъ такимъ именемъ... Но вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій,—что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости... Поэтому признаніе какихъ бы то ни было особенныхъ законовъ есть признакъ самаго дикаго невѣжества".

Истиннымъ руководителемъ людей должны быть, по мнѣнію Толстого, не тѣ или иные законы, а исключительно любовь. Она должна стать закономъ, потому что только тогда исчезнетъ зло, терзающее человѣчество, и водворится истинное царство Божіе на землѣ.

Но царство Божіе на землѣ, по мнѣнію Толстого, устанавливается не какимъ-либо внѣшнимъ образомъ, не черезъ тѣ или иныя улучшенія формъ человѣческаго общежитія; оно устанавливается черезъ внутреннее очищеніе и улучшеніе человѣка, послѣдствіемъ которыхъ будетъ улучшеніе и внѣшнихъ формъ.

Значеніе для человѣчества такихъ внѣшнихъ формъ, какъ государство, совершенно отрицается Толстымъ. Всѣ государства основаны на насиліи и потому никуда не годятся.

„Если и было время,—говоритъ онъ, — что при извѣстномъ низкомъ уровнѣ нравственности и при всеобщемъ расположеніи людей къ насилію другъ надъ другомъ, существованіе власти, ограничивающей эти насилія, было выгодно, т. е. что насиліе государственное было меньше насилія личностей другъ надъ другомъ, то нельзя не видѣть того, что

такое преимущество государственности надъ отсутствіемъ ея не могло быть постоянно. Чѣмъ болѣе уменьшалось стремленіе къ насилію личностей, чѣмъ болѣе смягчались нравы и чѣмъ болѣе развращалась власть вслѣдствіе своей нестѣсненности, тѣмъ преимущество это становилось все меньше и меньше.

Государство, по мнѣнію Толстого, совершенно противорѣчитъ христіанству.

„Напрасно говорятъ,—замѣчаетъ онъ,— что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ... Для каждаго искренняго и серьезнаго человѣка нашего времени не можетъ не быть очевидной несовмѣстимость истиннаго христіанства—ученія смиренія, прощенія обидъ, любви—съ государствомъ, съ его величіемъ, насиліями, казнями и войнами". „Люди, обладающіе властью, не могутъ не злоупотреблять ею, не могутъ не ошалѣвать отъ такой безумной, страшной власти... Сколько ни придумывали люди средствъ для того, чтобы лишить людей, стоящихъ у власти, возможности подчинять общіе интересы своимъ, — всѣ эти мѣры оказывались и оказываются недѣйствительными. Всѣ знаютъ, что люди, находящіеся у власти,—будь они императоры, министры, полицеймейстеры, городовые,—всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности, т. е. къ подчиненію общихъ интересовъ личнымъ, чѣмъ люди, не имѣющіе власти, какъ это и не можетъ быть иначе".

Власть правительства во всякомъ государствѣ поддерживается насиліемъ съ помощью войска. „Войско есть ни что иное, какъ собраніе дисциплинированныхъ убійцъ". „Войска нужны прежде всего правительствамъ для обороны себя отъ своихъ подавленныхъ и приведенныхъ въ рабство подданныхъ". Эти подданные, какъ это ни странно, помогаютъ правительству поддерживать сложную государственную машину, которая ихъ же самихъ и порабощаетъ. Дѣлается это

вслѣдствіе четырехъ способовъ воздѣйствія, производимаго правительствомъ на подданныхъ.

Первый способъ это гипнотизація народа, которая заставляетъ его вѣрить, что существующій порядокъ неизмѣненъ и потому должно поддерживать его, тогда какъ очевидно, что, напротивъ, онъ только оттого неизмѣненъ, что они-то и поддерживаютъ его. Достигается эта гипнотизація при помощи распространенія двухъ суевѣрій: религіознаго и патріотическаго, которыя вліяютъ на людей, начиная съ дѣтскаго возраста и до самой смерти.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоитъ въ томъ, чтобы, отобравъ отъ трудового рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства, распредѣлять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа.

Третье средство есть устрашеніе. „Средство это состоитъ въ томъ, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было—свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чѣмъ-то священнымъ и неизмѣннымъ, и потому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки измѣненія его“.

Четвертое средство заключается въ томъ, чтобы изъ общества, одурманеннаго и забитаго первыми тремя средствами, выдѣлить особый сортъ людей и, подвергнувъ ихъ усиленной гипнотизаціи, превратить въ безвольное и послушное орудіе для совершенія всѣхъ беззаконій и жестокостей, какія понадобятся правительству для порабощенія общества.

„Этимъ средствомъ замыкается кругъ насилія. Устрашеніе, подкупъ, гипнотизація приводятъ людей къ тому, что они идутъ въ солдаты; солдаты же даютъ власть и возможность и казнить людей, и обирать ихъ (подкупая на эти деньги чиновниковъ), и гипнотизировать и вербовать ихъ въ тѣ самые солдаты, которые даютъ власть дѣлать все это“.

Каждый сколько-нибудь сознательный человѣкъ понимаетъ, что необходимо выйти изъ этого заколдованнаго круга и разрушить ту вредную и устарѣлую форму жизни, которая называется государствомъ. Но само собою разумѣется, что съ разрушеніемъ государства вовсе не разрушится общество; люди будутъ продолжать жить обществами, только соединять ихъ будутъ не суевѣріе и насиліе, а духовное вліяніе наиболѣе развитыхъ умовъ, за которыми пойдутъ добровольно подчиняющіеся имъ люди. Одни пойдутъ вполнѣ сознательно, другіе же будутъ захвачены общимъ стремленіемъ къ цѣлямъ, намѣченнымъ высшими умами вѣка.

Все это прекрасно въ теоріи, быть можетъ, скажутъ приверженцы существующаго порядка жизни, но кѣмъ же будутъ выполняться тѣ задачи, которыя въ настоящее время исполняетъ государство? Кто будетъ зашищать насъ отъ злыхъ людей? Кто будетъ охранять отъ внѣшнихъ враговъ? Какъ будутъ существовать пути сообщенія, воспитательныя, образовательныя, религіозныя учрежденія и т. п.?

Защищать отъ злыхъ людей; но, во-первыхъ, кто же долженъ безошибочно опредѣлять этихъ злыхъ людей, а во-вторыхъ, если они даже опредѣлены, какъ люди, совершающіе преступленія, нарушающіе правильный ходъ общей жизни, то мы всетаки знаемъ, что эти преступники не хищные звѣри, а такіе же люди, какъ и всѣ мы, и знаемъ также, что совершенныя ими преступленія являются въ значительной степени результатомъ неправильно сложившейся общественной жизни. Кромѣ того, мы знаемъ, какъ говоритъ Л. Н. Толстой, что „дѣятельность правительствъ, съ своими отставшими отъ общаго уровня нравственности жестокими пріемами наказаній, тюремъ, каторгъ, висѣлицъ, гильотинъ—скорѣе содѣйствуетъ огрубѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію числа насильниковъ“.

Такимъ образомъ понятно, что не путемъ государствен-

наго насилія можно бороться съ преступниками, а лишь путемъ измѣненія общественныхъ условій жизни и, главное, любовнымъ отношеніемъ къ такъ называемымъ преступникамъ. „Миклуха-Маклай (извѣстный русскій путешественникъ) поселился среди самыхъ звѣрскихъ, какъ говорили, дикарей, и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что онъ не боялся ихъ, ничего не требовалъ отъ нихъ и дѣлалъ имъ добро".

Что касается до защиты отъ внѣшнихъ враговъ, то вѣдь они только потому и существуютъ, что существуютъ государства, т. е. учрежденія, обособляющія однихъ людей отъ другихъ. Не будетъ государствъ съ ихъ границами, войсками и т. п., то исчезнетъ и само понятіе о внѣшнихъ врагахъ. „Если бы было общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, никакіе непріятели—ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе—не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ".

Что касается тѣхъ полезныхъ предпріятій, которыя теперь часто связаны съ государствомъ, какъ-то: устройство путей сообщенія, почтъ, воспитательныхъ, образовательныхъ, религіозныхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, то всѣ онѣ могутъ прекрасно обходиться безъ государства и даже въ настоящее время очень часто обходятся безъ него.

„Если было время, когда люди были такъ разобщены между собою, такъ мало были выработаны средства сближенія и передачи мыслей, что они не могли сговориться и согласиться ни въ какомъ общемъ, ни торговомъ, ни экономическомъ, ни образовательномъ дѣлѣ безъ государственнаго центра, то теперь уже нѣтъ этой разобщенности. Широко развившіяся средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, кон-

грессовъ, ученыхъ, экономическихъ, политическихъ учрежденій, люди нашего времени не только вполнѣ могутъ обходиться безъ правительствъ, но что правительства въ большей части случаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ, достиженію этихъ цѣлей".

Но люди боятся неизвѣстнаго. Переходъ отъ знакомаго настоящаго къ таинственнымъ формамъ будущаго страшитъ ихъ, и они не хотятъ трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не увидятъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ сложится новый строй общественной жизни. Какъ будто кто-то долженъ приготовить его для нихъ.

„Если бы Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда не снялся бы съ якоря. Сумасшествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой — вопросъ. Этимъ сумасшествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, если бы народы перзѣзжали изъ одного готоваго hôtel garni въ другой, еще лучшій—было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ".

Люди боятся, что при крушеніи государства вмѣстѣ съ нимъ погибнутъ и тѣ драгоцѣнныя завоеванія человѣческаго ума, „которыя мы называемъ наукой, искусствомъ, цивилизаціей, культурой... Да, вѣдь, все это суть только различныя проявленія истины — предстоящее же измѣненіе совершается только во имя приближенія къ истинѣ и осуществленія ея. Такъ какъ же могутъ исчезнуть проявленія истины вслѣдствіе осуществленія ея? Они будутъ иныя, лучшія, высшія, но никакъ не уничтожатся. Уничтожится въ нихъ то, что было ложно; то же, что было отъ истины, то только болѣе процвѣтетъ и усилится".

Основывая свое ученіе на евангельскихъ истинахъ, Толстой, конечно, отрицаетъ и собственность, которая никакъ не можетъ быть согласована съ евангеліемъ безъ помощи хитрыхъ изворотовъ человѣческаго ума. Люди слишкомъ при-

выкли быть собственниками и потому они легко забываютъ ея обратную сторону. Основное зло собственности заключается въ ея несоотвѣтствіи съ закономъ любви. Если одинъ человѣкъ окруженъ избыткомъ, а другой страдаетъ отъ нищеты, то какая ужъ можетъ быть между ними любовь? Но главное-то дѣло въ томъ, что бѣдный, не имѣющій собственности, находится въ зависимости отъ богатаго и, чтобы добыть себѣ необходимое, долженъ дѣлать то, что пожелаетъ богатый, т. е. работать на него. Такимъ образомъ владѣніе собственностью одними и отсутствіе ея у другихъ раздѣляетъ людей на два враждебные другъ другу класса и противорѣчитъ основному закону любви.

„Мы всѣ братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работы которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои равные мнѣ братья и сестры". И такъ какъ этимъ людямъ нужно зарабатывать себѣ пропитаніе, то они и несутъ свое яко бы добровольное рабство. Если же они попробуютъ его свергнуть, то ихъ подвергнутъ всевозможнымъ карамъ для поддержанія пресловутыхъ „священныхъ правъ собственности".

На стражѣ этихъ правъ всегда стоятъ приготовленные для этого люди. „Нельзя намъ притворяться, что мы не видимъ того городового, который съ заряженнымъ револьверомъ ходитъ передъ окнами, защищая насъ въ то время, какъ мы ѣдимъ свой вкусный обѣдъ или смотримъ новую пьесу, и не знаемъ про тѣхъ солдатъ, которые сейчасъ же выѣдутъ съ ружьями и боевыми патронами туда, гдѣ будетъ нарушена собственность".

„Вѣдь если бы не было этихъ людей, готовыхъ по волѣ тѣхъ, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велятъ, никто никогда не рѣшился бы утверждать то, что съ увѣренностью утверждаютъ всѣ не работающіе землевладѣльцы, а именно, что земля, окружающая мрущихъ отъ безземелія крестьянъ, есть собственность человѣка, не рабо-

тающаго на ней, и никто не сталъ бы утверждать, что мошеннически собранные хлѣбные запасы должны храниться въ цѣлости среди умирающаго съ голода населенія, потому что купцу нужны барыши".

Уже изъ самой невозможности продолжать такъ уродливо сложившуюся жизнь естественно вытекаетъ необходимость найти для жизни новыя формы. Замѣна права собственности новой формой распредѣленія богатствъ—одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди.

Что измѣненіе существующей формы собственности не есть что-то несбыточное, можно видѣть изъ того, что и въ настоящее время и даже въ прошедшія времена люди умѣли подчинять собственность нравственнымъ принципамъ.

Это можно видѣть лучше всего, по словамъ Толстого; на примѣрѣ русскихъ поселенцевъ. „Поселенцы приходятъ на землю, садятся на нее и начинаютъ работать, и никому въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ, не пользующійся землею, могъ имѣть какія-нибудь права на нее...; напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ землю общимъ достояніемъ и считаютъ справедливымъ, чтобы каждый косилъ, пахалъ, гдѣ кто хочетъ и сколько захватитъ. Поселенцы для обработки земли, для садовъ, для постройки домовъ заводятъ орудія труда, и тоже никому въ голову не приходитъ, чтобы орудія труда могли сами по себѣ приносить доходъ, а напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ, что всякій ростъ за орудія труда, за ссужаемый хлѣбъ, за капиталъ есть несправедливость. Поселенцы на вольной землѣ работаютъ своими или ссуженными имъ безъ роста орудіями каждый для себя или всѣ вмѣстѣ на общее дѣло... „Говоря о такой общинѣ людей,—замѣчаетъ Толстой,—я не фантазирую, а описываю то, что происходило всегда и происходитъ теперь не у однихъ русскихъ поселенцевъ, а вездѣ, пока не нарушено чѣмъ-нибудь естественное состояніе людей. Я описываю то, что представляется каждому естествен-

нымъ и разумнымъ. Люди поселяются на землѣ и берутся каждый за свойственное ему дѣло, и каждый, выработавъ, что ему нужно для работы, работаетъ свою работу. Если же людямъ удобнѣе работать вмѣстѣ, они сходятся артелью. Но ни въ отдѣльномъ хозяйствѣ, ни въ артеляхъ, ни вода, ни земля, ни одежда на тѣлѣ, ни колъ, которымъ работаешь, ни заступъ, ни плугъ не могутъ никому принадлежать, кромѣ тѣхъ, которые пользуются лучами солнца, дышатъ воздухомъ, пьютъ воду, ѣдятъ хлѣбъ, закрываютъ свое тѣло и работаютъ заступомъ или машиной, потому что все это нужно только тѣмъ, которые все это употребляютъ... Своимъ можно называть только труды свои, которые даютъ человѣку столько, сколько ему надо".

Для того, чтобы измѣнить существующій порядокъ жизни, не соотвѣтствующій требованіямъ любви, необходимо, чтобы измѣнилось общественное мнѣніе. Освобожденіе достигается только измѣненіемъ пониманія жизни; все зависитъ отъ силы сознанія каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанской истины: „познаете истину, и истина сдѣлаетъ насъ свободными".

„Общественное мнѣніе, — замѣчаетъ Толстой,—не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ и тысячахъ лѣтъ и имѣетъ свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей... Какъ бываетъ достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла бы въ кристаллы, такъ, можетъ быть, теперь достаточно самаго малаго усилія для того, чтобы открытая уже людямъ истина охватила бы сотни, тысячи, милліоны людей,—установилось бы соотвѣтствующее сознанію общественное мнѣніе, и вслѣдствіе установленія его, измѣнился бы весь строй существующей жизни. И сдѣлать это усиліе зависитъ отъ насъ".

Наилучшее средство это немедленно перейти отъ словъ

къ дѣлу, а именно: капиталисту отказаться отъ капитала, землевладѣльцу отъ земли, фабриканту отъ фабрики и т. д., предоставивъ и капиталъ, и землю, и фабрики, и другія формы накопленныхъ богатствъ въ распоряженіе трудящихся; но для того, чтобы это совершить, надо побѣдить огромный соблазнъ, отказавшись отъ выгоднаго положенія и удобствъ жизни, къ которымъ привыкъ. Но вѣдь существуютъ и другіи средства, хотя и не такія рѣшительныя, но въ дѣйствительности которыхъ нельзя сомнѣваться. Надо, чтобы люди, сознавшіе въ чемъ заключается зло жизни и въ чемъ спасеніе, открыто высказывали бы постигнутую ими истину.

„Никакіе милліарды рублей, милліоны войскъ и никакія учрежденія, ни войны, ни революціи не произведутъ того, что можетъ произвести простое выраженіе свободнымъ человѣкомъ того, что онъ считаетъ справедливымъ независимо отъ того, что существуетъ и что ему внушается. Одинъ свободный человѣкъ скажетъ правдиво то, что онъ думаетъ и чувствуетъ, среди тысячъ людей, своими поступками и словами утверждающими совершенно противоположное; казалось бы, что высказавшій искренно свою мысль, долженъ остаться одинокимъ, а между тѣмъ большею частью бываетъ такъ, что всѣ или большинство уже давно думаютъ и чувствуютъ то же самое, только не высказываютъ этого. И то, что было вчера новымъ мнѣніемъ одного человѣка, дѣлается нынче общимъ мнѣніемъ большинства".

За первымъ шагомъ естественно слѣдуетъ второй. За открытымъ высказываніемъ своихъ убѣжденій слѣдуетъ переходъ отъ словъ къ дѣлу: приведеніе жизни въ соотвѣтствіе съ сознанной и высказанной истиной. Но человѣкъ обыкновенно боится этого перехода, боится внезапно остаться одинокимъ, если его примѣръ почему-либо не заразитъ окружающихъ, „Одна ласточка весны не дѣлаетъ", и люди боятся очутиться въ положеніи этой ласточки, забывая,

что безъ передовыхъ смѣльчаковъ невозможно никакое движеніе.

„Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученіе Христа,—говорятъ обыкновенно,—стану исполнять его; буду отдавать то, что имѣю; буду подставлять щеку, не защищаясь; буду даже не соглашаться на то, чтобы идти присягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь". На это Толстой говоритъ:

„Это можетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру. И потому мнѣ не можетъ быть страшно. Я умру такъ же, какъ и всѣ, какъ и не исполняющій ученія; но моя жизнь и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ,—а этому-то и училъ Христосъ".

Такимъ образомъ, смотря на христіанство не какъ на мистическое ученіе, а какъ на правило повседневной жизни здѣсь на землѣ, Толстой на принципахъ христіанства построилъ свое ученіе, безповоротно разрушающее и законы, и государства, и собственность, и весь современный строй общественной жизни. Онъ разрушаетъ формы общественной жизни, выработанныя тысячелѣтними усиліями человѣчества, но взамѣнъ ихъ онъ обѣщаетъ приближеніе того времени, когда исполнится древнее пророчество, когда люди разучатся воевать и перекуютъ свои мечи на орала и копья на серпы: „когда всѣ тюрьмы, крѣпости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми и всѣ висѣлицы, ружья, пушки останутся безъ употребленія".

Заключеніе.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы изложили ученія семи выдающихся представителей анархизма. Само собою разумѣется, что этимъ еще далеко не исчерпывается ученіе, называющееся анархизмомъ. Когда среди звѣзднаго неба мы указываемъ на пять звѣздъ созвѣздія Кассіопеи или семь звѣздъ Большой Медвѣдицы, мы знаемъ, что кромѣ этихъ звѣздъ въ этихъ созвѣздіяхъ находится еще множество другихъ, но менѣе замѣтныхъ и потому не сразу обращающихъ на себя вниманіе. Точно то же происходитъ и съ извѣстными ученіями. Вниманіе толпы привлекаютъ немногіе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, болѣе замѣтные представители ученія, а множество другихъ, въ тишинѣ совершающихъ или словомъ или дѣломъ свою работу, ускользаютъ отъ наблюденія.

Какъ мы вначалѣ замѣтили, и многіе невѣжественные люди думаютъ, что анархизмъ есть не что иное, какъ проявленіе своеволія небольшой кучки злонамѣренныхъ людей. По ихъ мнѣнію, стоитъ только правительствамъ согласиться между собой и, переловивъ этихъ людей, уничтожить ихъ, и анархизмъ перестанетъ существовать. Очевидно это уже общая участь всѣхъ новыхъ ученій, что ихъ сперва считаютъ злонамѣренной выдумкой, потомъ несбыточной мечтой, а потомъ съ пренебреженіемъ заявляютъ, что все это давнымъ давно извѣстно и надо придумать что-либо поновѣе. Такъ было, напримѣръ, и съ христіанствомъ: сперва оно считалось или зловреднымъ ученіемъ, или нелѣпой мечтой, выдумкой кучки людей, желающихъ передѣлать міръ, а теперь говорятъ, что оно старо, какъ міръ, гораздо старѣе своего основателя и что для современнаго человѣчества слѣдовало бы выдумать что-нибудь болѣе интересное.

Въ сущности и анархизмъ такъ же старъ, какъ и христіанство. Дѣйствительно, какъ христіанскія начала мы встрѣчаемъ у древнѣйшихъ мудрецовъ міра, такъ и начала анар-

хизма могутъ быть подмѣчены въ самыя раннія времена, какія только намъ извѣстны. Вѣдь анархизмъ есть не что иное, какъ противовѣсъ идеѣ государства. Когда одна часть человѣчества создавала государство, то другая уже начинала чувствовать недовольство, вслѣдствіе неудобства новаго порядка вещей, и въ этомъ недовольствѣ уже зарождались начала анархизма.

Анархизмъ лежитъ въ самой природѣ человѣка, какъ естественный протестъ противъ всякаго внѣшняго давленія. Анархизмъ—это потребность въ свободѣ, это—протестъ человѣка, слишкомъ сильно стѣсненнаго внѣшними формами человѣческаго общежитія. Оттого-то мы и встрѣчаемъ анархическія воззрѣнія и въ глубокой древности, и въ средніе вѣка, и въ наше время, и находимъ ихъ и у неграмотныхъ сектантовъ, и у первоклассныхъ ученыхъ.

Сектанты вырабатываютъ себѣ анархическіе взгляды, исходя изъ того противорѣчія, которое они замѣчаютъ между основами христіанской нравственности и государственнымъ строемъ. Считая, что жизнь человѣка должна быть основана на извѣстныхъ, твердо опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ нравственныхъ началахъ, они, волей-неволей, должны отнестись отрицательно ко всѣмъ тѣмъ требованіямъ государства, которыя имѣютъ въ своихъ основахъ выгоды отдѣльныхъ лицъ или классовъ общества. А такъ какъ всѣ наиболѣе существенныя установленія государства, какъ-то: законы, судьи, войско, таможни, тюрьмы, частная земельная собственность и т. п., всѣ созданы сильными для своего обогащенія на счетъ слабыхъ, или для удержанія разъ захваченнаго выгоднаго положенія, то понятно, что глубоко религіозные люди не могутъ примириться съ этими установленіями, такъ рѣзко противорѣчащими основамъ христіанской нравственности.

Для людей науки анархизмъ является необходимымъ противовѣсомъ государству. Человѣкъ науки знаетъ, какое огромное значеніе имѣло государство въ дѣлѣ развитія человѣче-

ства, но въ то же время онъ не можетъ не знать, какое множество жертвъ принесено людьми и продолжаетъ приноситься для поддержанія и процвѣтанія государства. А такъ какъ нельзя не видѣть, что въ настоящее время эти жертвы значительно превышаютъ приносимыя государствомъ выгоды, то человѣку науки, если его разумъ не затемненъ предразсудками, приходится признать, что государство уже исполнило свое назначеніе и на его мѣстѣ должна возникнуть новая форма человѣческаго общежитія, т. е. долженъ совершиться тотъ переворотъ, о которомъ проповѣдуютъ представители анархизма.

Когда совершается какое-либо явленіе, то у наблюдателя прежде всего возникаетъ вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ это явленіе. Когда говорятъ о цѣли, поставленной въ будущемъ, о цѣли, къ которой надо стремиться, какъ напримѣръ объ осуществленіи въ жизни принциповъ анархизма, то точно такъ же является вопросъ о причинѣ такого стремленія, о причинѣ, побуждающей человѣка желать торжества анархизма и содѣйствовать этому торжеству.

У различныхъ представителей анархизма отправные пункты приведенія ихъ къ признанію этого ученія весьма различны. Такъ Бакунинъ и Кропоткинъ считаютъ, что человѣчество, какъ и вся природа, подчинено закону эволюціи, согласно которому и формы человѣческаго общежитія должны видоизмѣняться для доставленія человѣчеству все большаго и большаго блага.

Вильямъ Годвинъ, никогда не слыхавшій объ эволюціонной теоріи, не задается вопросомъ, почему надо поступать такъ или иначе, а прямо, слѣдуя призыву своей любящей души, признаетъ высшимъ закономъ для человѣка стремленіе къ общему благу.

Отвергая какія бы то ни было призванія или задачи общественнаго характера, Штирнеръ и Тэккеръ считаютъ руководящей основой человѣческихъ поступковъ благо лич-

ности. Штирнеру міръ представляется пищей для удовлетворенія голода его эгоизма. Тэккеръ заявляетъ, что общество и личность имѣютъ право насиловать другъ друга. Но во имя блага своей личности они возстаютъ противъ государства и причисляютъ себя къ анархистамъ. Не во имя блага личности человѣка вообще, но во имя блага только своей отдѣльной личности возстаютъ они противъ государства и впадаютъ такимъ образомъ въ очевидное недоразумѣніе.

Вѣдь если на первый планъ ставится счастье, благо или удобство единичной своей личности, то ни о какой общей теоріи не можетъ быть рѣчи, потому что счастье одного лица можетъ быть достигнуто при самыхъ различныхъ условіяхъ. Государство можетъ угнетать человѣческую личность вообще, нарушая интересы единицъ во имя интересовъ государственныхъ, но отдѣльная обособленная личность Ивана, Петра, Сидора можетъ достигнуть полнаго благополучія и при существованіи государства. Зачѣмъ какой-нибудь Людовикъ Бурбонъ или . . . . . будутъ возставать противъ государства, когда оно доставляетъ имъ всѣ выгоды? Зачѣмъ сатрапъ Вавилона или римскій вельможа временъ имперіи будетъ заботиться о разрушеніи государства, когда при его существованіи онъ можетъ жить во все свое удовольствіе? Всѣ богачи и властители міра, дорожащіе своимъ положеніемъ, сочли бы величайшей нелѣпостью, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что для нихъ гораздо выгоднѣе отказаться отъ того положенія, которое имъ даетъ государство, и стать анархистами. И, такъ разсуждая, они были бы правы, если бы считали руководящей основой своей жизни свое личное благо.

Нельзя создавать общественное ученіе, ставя въ основу его личную выгоду, потому что всякое общественное ученіе нуждается въ нравственномъ началѣ. Такое нравственное начало ставятъ въ основу своихъ ученій Прудонъ и Толстой. Прудонъ называетъ его чувствомъ справедливости,

Толстой разумнымъ сознаніемъ, которому должна все болѣе и болѣе подчиняться животная личность. Справедливость Прудона и разумное сознаніе Толстого сходятся въ признаніи руководящимъ началомъ человѣческаго поведенія правила: „поступай со своимъ ближнимъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы поступали съ тобой". Это же требованіе высказываетъ и Кропоткинъ, добавляя: „поступали съ тобой при тѣхъ же условіяхъ".

Уже изъ того, что такіе выдающіеся представители анархизма выставляютъ такое положеніе основнымъ мотивомъ человѣческаго поведенія, можно видѣть, какъ далеки отъ истины тѣ противники анархизма, которые стараются всячески очернить въ нравственномъ отношеніи послѣдователей этого ученія.

Каковы бы ни были разногласія среди его сторонниковъ, одна общая и весьма важная черта объединяетъ ихъ въ одну группу. Черта эта—отрицательное отношеніе къ государству.

Но вѣдь государство не съ неба свалилось; оно есть результатъ работы многихъ тысячелѣтій. Оно насчитываетъ милліоны защитниковъ и построено на прочномъ фундаментѣ, глубоко врытомъ въ предразсудки человѣчества и его приверженность къ старымъ обычаямъ. Можно ли разсчитывать, что анархизму, насчитывающему сравнительно небольшое количество послѣдователей, удастся въ скоромъ времени разрушить это зданіе, передъ которымъ и египетскія пирамиды могутъ показаться дачными постройками?

Нѣтъ, при всемъ нашемъ сочувствіи къ принципамъ анархизма, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Мы не можемъ признать за анархизмомъ боевого значенія. Анархизмъ, какъ партія, въ настоящее время безсиленъ и, каковы бы ни были личныя качества его представителей, онъ не въ состояніи совершить тотъ переворотъ, въ близость котораго вѣрили и вѣрятъ многіе изъ его сторонниковъ.

Нѣтъ. Сила анархизма не въ этомъ. Значеніе анархизма не въ области политическихъ переворотовъ.

Анархизмъ можетъ представить весьма серьезную, разрушительную силу, но сила эта не будетъ выражаться внѣшними моментальными проявленіями. Настроеніе умовъ современнаго человѣчества не таково, чтобы отказаться отъ государства. Человѣчество еще слишкомъ хорошо помнитъ и чувствуетъ тѣ неисчислимыя жертвы, которыя оно принесло государству, и оно еще не въ силахъ признать ненужность этихъ жертвъ.

Но дѣйствія анархическихъ идей, подобно вѣчно бѣгущимъ потокамъ воды, подтачиваетъ основы, на которыхъ построено государство. Государственныя формы мѣняются, старыя рушатся и возникаютъ новыя формы, но, и въ моменты разрушенія, и въ періоды созиданія, немолчно раздается голосъ анархизма, напоминающій о томъ, что не государство является цѣлью жизни, но благо человѣка, что нельзя, въ погонѣ за устройствомъ государства, забывать о благѣ человѣческой личности.

Торжество анархизма еще не близко, но оно и теперь дѣлаетъ свое дѣло, подготовляя великую революцію въ сознаніи человѣчества. Какъ невидимые простымъ глазомъ микробы нарушаютъ спокойное теченіе жизни цѣлыхъ государствъ, такъ и идеи анархизма мало-по малу овладѣваютъ умами, вступаютъ въ непримиримую борьбу съ тысячелѣтними предразсудками и въ концѣ-концовъ выведутъ человѣчество на тотъ истинный путь историческаго развитія, на которомъ улучшеніе общественныхъ формъ будетъ неразрывно связано съ непрестаннымъ развитіемъ блага человѣческой личности.

Въ борьбѣ противъ развращающаго и отупляющаго вліянія государства, въ борьбѣ за свободу человѣческой личности мы видимъ основное значеніе анархизма.

По поводу христіанскаго анархизма.

Замѣтка отъ Издательства.

Въ изложенномъ разборѣ различныхъ анархическихъ ученій Левъ Толстой включенъ въ разрядъ типичныхъ представителей анархизма. Такъ какъ Толстой наиболѣе выдающійся литературный выразитель того свободно-христіанскаго жизнепониманія, котораго придерживаемся и мы, то считаемъ умѣстнымъ съ своей стороны прибавить нѣсколько словъ о его и нашемъ отношеніи къ тому движенію, которое принято называть „анархизмомъ".

Прочитавши книгу Эльцбахера „Анархизмъ", которая, какъ было вначалѣ указано, служила однимъ изъ источниковъ при составленіи этихъ очерковъ, Толстой въ 1900 году написалъ ея автору сочувственное письмо слѣдующаго содержанія:

„Ваша книга дѣлаетъ для анархизма то же, что 30 лѣтъ тому назадъ было сдѣлано для соціализма: она вводитъ его въ программу политическихъ наукъ.

„Ваша книга чрезвычайно понравилась мнѣ. Она совершенно объективна, понятна и, насколько я могу судить, въ ней прекрасно обработаны источники.

„Мнѣ кажется только, что я не анархистъ въ смыслѣ политическаго реформатора. Въ указателѣ вашей книги при словѣ „принужденіе" сдѣланы ссылки на страницы сочиненій всѣхъ прочихъ разбираемыхъ вами авторовъ, но не встрѣчается ни одной ссылки на мои писанія. Но есть-ли

это доказательство того, что ученіе, которое вы приписываете мнѣ, но которое, на самомъ дѣлѣ, есть лишь ученіе Христа,—есть ученіе не политическое, а религіозное?"

Что жизнепониманіе Толстого существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ выше разобранныхъ анархическихъ ученій, это, думаемъ, должно быть ясно каждому внимательному читателю. Но какое именно различіе полагаетъ Толстой между *„политическимъ"* и *„религіознымъ"* ученіями и почему онъ придаетъ такое большое значеніе вопросу о *принужденіи*,—это съ перваго взгляда не такъ ясно, и потому на этомъ, какъ намъ кажется, не мѣшаетъ немного остановиться.

Религія,—по лучшему извѣстному намъ опредѣленію того же Толстого,—есть такое отношеніе человѣка къ безконечной жизни, которое руководитъ его поступками [1]). Подъ „безконечною жизнью" мы понимаемъ ту высшую область духовнаго разумѣнія, въ которой раскрывается намъ вѣчный законъ добра и правды. Для „религіознаго" сознанія этотъ законъ добра и правды обязателенъ; и при томъ обязателенъ не потому, что результаты его выгодны для человѣка или для человѣчества, а потому что этотъ нравственный законъ представляетъ наивысшее понятіе, доступное намъ,—ту вѣчную истину, признаніе которой присуще нашей духовной природѣ и проявленіе которой составляетъ естественное назначеніе нашей жизни. Это есть та „воля Отца нашего небеснаго", на которую такъ часто ссылался Іисусъ.

Политика есть нѣчто совсѣмъ другое. Политика есть такое отношеніе къ общественнымъ задачамъ, при которомъ человѣкъ сначала намѣчаетъ тѣ внѣшніе результаты, которыхъ онъ считаетъ желательнымъ достигнуть; а затѣмъ уже старается осуществить эти результаты наиболѣе, по его мнѣнію, цѣлесообразными средствами. На этомъ основаніи че-

---

[1]) См. „Что такое религія?" Изданіе „Свободнаго Слова". Стр. 10, 11.

ловѣкъ политическаго сознанія мало или вовсе не заботится о нравственномъ достоинствѣ употребляемыхъ имъ средствъ. Лишь бы цѣль его была хороша, онъ обыкновенно считаетъ пригодными всѣ средства, ведущія къ этой цѣли“ [1]).

Слѣдовательно, если разсматривать анархизмъ, какъ систему *политическую*, т. е. какъ внѣшнее установленіе извѣстнаго рода общественнаго порядка, то Толстой правъ, полагая, что онъ не анархистъ. Политическій анархизмъ не можетъ обойтись безъ принужденія. И на самомъ дѣлѣ, всѣ остальные разсмотрѣнные Эльцбахеромъ представители анархизма допускаютъ, какъ справедливо указываетъ Толстой, употребленіе насилія въ той или иной степени, въ томъ или другомъ видѣ или случаѣ. Правда, они возстаютъ противъ той формы государственнаго насилія, которая въ настоящее время господствуетъ. Но все же всѣ они, каждый по своему, признаютъ насильственную власть иногда необходимою. Напримѣръ, они признаютъ, что позволительно употреблять насиліе для самозащиты, или для укрощенія преступниковъ, или для войны, или для борьбы съ тиранами, для убійства деспотовъ, для вооруженнаго возстанія и т. д., и т. д. Толстой же, разсматривая жизнь не съ политической, а съ религіозной точки зрѣнія, довѣряетъ высшему нравственному закону, отрицающему право всякаго насилія человѣка надъ человѣкомъ. Толстой не допускаетъ, чтобы могъ быть такой случай, когда насиліе необходимо для истиннаго блага человѣчества. Онъ увѣренъ, что если насиліе намъ иногда и кажется полезнымъ, то это только

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда политическій дѣятель признаетъ какое-нибудь полезное для его цѣлей средство безнравственнымъ и потому, въ ущербъ своей ближайшей задачѣ, отказывается употреблять такое средство,—онъ тѣмъ самымъ отступаетъ отъ „политики“ и до нѣкоторой степени пріобщается „религіознаго“ жизнепониманія. Но настоящій, послѣдовательный „политическій“ взглядъ на жизнь, — все равно правительственный-ли или анти-правительственный,—всегда признавалъ, признаетъ и будетъ признавать, что „цѣль оправдываетъ средства“, хотя политическіе дѣятели и не любятъ въ этомъ откровенно сознаваться.

потому, что мы ошибаемся, не будучи въ состояніи предусмотрѣть всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ. Очевидно, что такое чисто религіозное міровоззрѣніе несовмѣстимо съ политической точкой зрѣнія. Вотъ почему никакъ нельзя считать Толстого анархистомъ въ политическомъ смыслѣ этого слова. Но можно понимать анархизмъ гораздо глубже, нежели въ этомъ внѣшнемъ политическомъ смыслѣ. Въ основной своей сущности анархизмъ не есть такое или иное устройство общества, а — принципіальное *отрицаніе власти*, т. е. непризнаніе за человѣкомъ права насильственно распоряжаться другимъ человѣкомъ. Допуская насиліе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всѣ разобранные въ выше изложенныхъ очеркахъ представители анархизма, за исключеніемъ Толстого, говорятъ, выражаясь просто: „Мы противъ насильственной власти—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда мы за нее". Понятно, что такой анархизмъ, строго говоря, вовсе и не есть анархизмъ, такъ какъ отличительное свойство истиннаго анархизма есть отрицаніе насильственной власти. Нужды нѣтъ, что эти такъ-называемые анархисты допускаютъ насиліе въ болѣе умѣренномъ видѣ, нежели современныя государства. Истиннымъ анархизмомъ можно назвать только такое жизнепониманіе, которое совершенно отрицаетъ всякую насильственвую власть, всякое принужденіе со стороны кого бы то ни было надъ кѣмъ бы то ни было. А понимая анархизмъ въ этомъ, единственно истинномъ его значеніи, окажется, что изъ всѣхъ перечисленныхъ семи анархистовъ одного только Толстого можно назвать настоящимъ и послѣдовательнымъ анархистомъ, такъ какъ онъ одинъ безусловно вѣритъ въ основную идею анархизма и одинъ не боится полнаго примѣненія этой идеи къ жизни безъ всякихъ урѣзокъ и ограниченій.

Говоря о религіозномъ анархизмѣ Толстого, не мѣшаетъ заодно коснуться нѣсколькихъ связанныхъ съ этимъ вопросомъ весьма распространенныхъ недоразумѣній.

Во-первыхъ, признаніе Толстымъ того, что человѣкъ не имѣетъ права производить насиліе надъ другимъ человѣкомъ, вовсе не вытекаетъ, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ, изъ подчиненія какому-нибудь внѣшнему правилу, въ родѣ заповѣди Христа о „непротивленіи злому“. Свободно-христіанское жизнепониманіе не признаетъ никакихъ внѣшнихъ предписаній, правилъ или законовъ, никакихъ такъ-называемыхъ „догматовъ“ или „авторитетовъ“. Оно признаетъ только одинъ внутренній законъ,—голосъ Божій въ душѣ самого человѣка, т. е. требованія совѣсти, просвѣщенной духовнымъ разумѣніемъ. И вотъ, это-то духовное разумѣніе указываетъ намъ, что истинный смыслъ нашей жизни состоитъ въ братствѣ и единеніи всѣхъ людей. Изъ этого естественно вытекаетъ необходимость поступать съ другими такъ, какъ желаешь, чтобы другіе поступали съ тобой. А изъ этого, въ свою очередь, неизбѣжно слѣдуетъ признаніе незаконности насилія надъ человѣкомъ. Нельзя любить человѣка, какъ самого себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣлять въ него, или отдавать его подъ судъ, или сажать въ тюрьму, или, при помощи насильственныхъ государственныхъ законовъ, удерживать отъ него необходимыя ему средства пропитанія, или хотя бы предметы удовольствія потому только, что мы сами предпочитаемъ ими пользоваться. Все это не значитъ относиться къ человѣку по-братски и поступать съ нимъ такъ, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобою. Всякое насиліе нарушаетъ то братское единеніе, въ которомъ одномъ, по христіанскому ученію, заключается смыслъ жизни. Такъ что человѣкъ истинно-христіанскаго сознанія отрицаетъ насиліе, не вслѣдствіе какого-либо внѣшняго предписанія, но—потому, что насиліе нарушаетъ самую основу его религіознаго жизнепониманія [1]).

---

[1]) Мы, разумѣется, имѣемъ здѣсь въ виду сознаніе христіанина, т. е. то, что онъ считаетъ нравственно законнымъ и незаконнымъ. Насколько тѣ или другія личности, раздѣляющія это жизнепониманіе, въ

Во-вторыхъ, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, такъ какъ христіанинъ обращаетъ больше вниманія на нравственную чистоту своихъ поступковъ, чѣмъ на ихъ послѣдствія, то христіанскій анархизмъ можетъ, пожалуй, содѣйствовать личному совершенствованію, но безполезенъ, если даже не вреденъ, въ дѣлѣ служенія общественнымъ интересамъ. Такое сужденіе совершенно несостоятельно. Если бы человѣкъ, поощряя и развивая въ себѣ высшія свойства своей души и осуществляя ихъ въ своей жизни, тѣмъ самымъ становился бы менѣе пригоднымъ для служенія людямъ, то это значило бы, что общественную пользу могутъ приносить только люди болѣе или менѣе безнравственные. А это очевидная безсмыслица. Анархисты-матеріалисты думаютъ, что непосредственная природа человѣка сама по себѣ настолько хороша, что стоитъ уничтожить правительственную власть, и все общественное зло изчезнетъ. Но вѣдь зло государственной власти не съ неба упало. Оно выросло изъ человѣческихъ слабостей и невѣжества, а потому, если бы даже и возможно было внѣшнимъ образомъ уничтожить это зло, оно снова выросло бы изъ тѣхъ же корней, пока внутреннее человѣческое сознаніе оставалось бы на одномъ и томъ же уровнѣ развитія. Въ прошлой исторіи человѣчества мы видимъ, что самое большое вліяніе на улучшеніе взаимныхъ отношеній между людьми, а слѣдовательно—и на улучшеніе общественной жизни, имѣли религіозные учителя и, такъ называемые, пророки. А эти люди всегда въ одинъ голосъ настаивали на томъ, что праведная жизнь есть первая и важнѣйшая задача человѣка. То же самое подтверждается и на примѣрѣ обыкновеннаго, средняго человѣка: чѣмъ его

своей жизни дѣйствительно осуществляютъ требованія своего сознанія,— это вопросъ другой, котораго мы здѣсь не касаемся. Само собою разумѣется, что неуспѣшное осуществленіе человѣкомъ на дѣлѣ требованій своего сознанія никакъ не должно побуждать его понижать свои принципы и идеалы до уровня того, что онъ въ данную минуту, при своихъ ограниченныхъ силахъ, способенъ привести въ исполненіе.

личная жизнь чище и лучше, тѣмъ благотворнѣе тотъ слѣдъ, который она оставляетъ за собой среди людей. Въ наше время наиболѣе вліятельнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ среди людей несомнѣнно является Толстой. И нигдѣ лучше, нежели въ его писаніяхъ, не обнаружено, что христіанскій анархизмъ, основанный на совершенствованіи самого себя и предоставленіи другимъ полной свободы, есть самое могучее средство для улучшенія жизни всего человѣчества.

Наконецъ, въ-третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что христіанскій анархизмъ далеко не исчерпываетъ христіанскаго жизнепониманія, а представляетъ только одну изъ его сторонъ, и притомъ — отрицательную. Свободное христіанство можно назвать анархизмомъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно *между прочимъ* отрицаетъ всякую власть, всякое подчиненіе между людьми. Но съ другой стороны, такъ же справедливо можно было бы назвать свободное христіанство и своего рода „монархизмомъ", такъ какъ оно признаетъ необходимость подчиненія высшему и единственному законодателю—Богу. Жизнью человѣка должна управлять не его личная воля, а воля Божья, т. е. нравственныя требованія вѣчнаго закона добра и правды. Такъ что христіанское ученіе включаетъ въ себѣ мирный анархизмъ только косвеннымъ образомъ, какъ одно изъ многихъ неизбѣжныхъ проявленій своей внутренней сущности.

Вытекая изъ ученія *религіознаго*, христіанскій анархизмъ несравненно глубже и шире внѣшняго, политическаго анархизма. И когда, въ свое время, христіанскій анархизмъ будетъ осуществляться въ жизни человѣчества, хотя бы въ той степени, въ которой теперь осуществляются другія передовыя общественныя движенія,—онъ приведетъ къ послѣдствіямъ гораздо болѣе существеннымъ и крайнимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устойчивымъ, нежели можетъ достичь недостаточно рѣшительный и недостаточно выдержанный анархизмъ политическій.

При всемъ томъ, повторяемъ, названіе „анархизмъ“ слишкомъ узко для свободно-христіанскаго жизнепониманія. Вытекающій изъ христіанскаго ученія анархизмъ, отрицающій насиліе и власть, такъ же мало исчерпываетъ содержаніе этого ученія, какъ мало видимый нами дневной свѣтъ исчерпываетъ силу свѣта, содержащуюся въ солнцѣ.

В. Чертковъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Амфитеатровъ. *Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи.* Цѣна. **35** коп.

Х. Штраусъ. *Чудеса Христа.* Цѣна. **40** коп.

Прудонъ. *I часть. Анархія. II часть. Исповѣдь революціонера.* Томъ первый. Цѣна. **75** коп.

Цѣна 40 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

27 Jul'52 W M
OCT 30 1953 LU
22 Mar'63 Z F
IN STACKS
MAR 8 1963
APR 16 1963
RETURNED TO
MAR 24 1973
SENT ON ILL AHC
DEC 03 1998
U. C. BERKELEY

SENT ON ILL
MAR 10 2003
U. C. BERKELEY
APR 4 1973 46

LD 21-100m-7,'52 (A2528s16)476

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C046066426

M304505

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY